

от автора бестселлера
«ДЕВУШКА В ПОЕЗДЕ»

ПОЛА ХОКИНС

ТЛЕЮЩИЙ
ОГОНЬ

Роман удивительной, прямо-таки взрывоопасной
силы — он не отпустит до последней фразы.

Кейт Мосс

Психологический триллер (АСТ)

Пола Хокинс

Тлеющий огонь

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Хокинс П.

Тлеющий огонь / П. Хокинс — «Издательство АСТ»,
2021 — (Психологический триллер (АСТ))

ISBN 978-5-17-138191-2

Когда в плавучем доме находят тело молодого художника Дэниела, у полиции есть все основания предполагать, что это жестокое убийство совершила женщина. Но кто она? Лора, его симпатичная подружка, подверженная вспышкам ярости? Карла, тетя Дэниела, много лет считающая его мать виновной в гибели своего сына? Или Мириам, живущая на соседней барже? И кажется, ей явно есть что скрывать... Три женщины, так или иначе связанные с убитым. Три женщины, в душе которых горит желание исправить причиненное им зло. Но как далеко могла зайти каждая из них, чтобы обрести покой? И как долго могут тлеть секреты, прежде чем они превратятся в настоящий огонь?..

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-138191-2

© Хокинс П., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

1	7
2	9
3	13
4	17
5	24
6	28
7	35
8	40
Сумевшая спастись	45
9	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Пола Хокинс Тлеющий огонь

Paula Hawkins

A slow fire burning

© Paula Hawkins Ltd, 2021

© Map design. Liane Payne, 2021

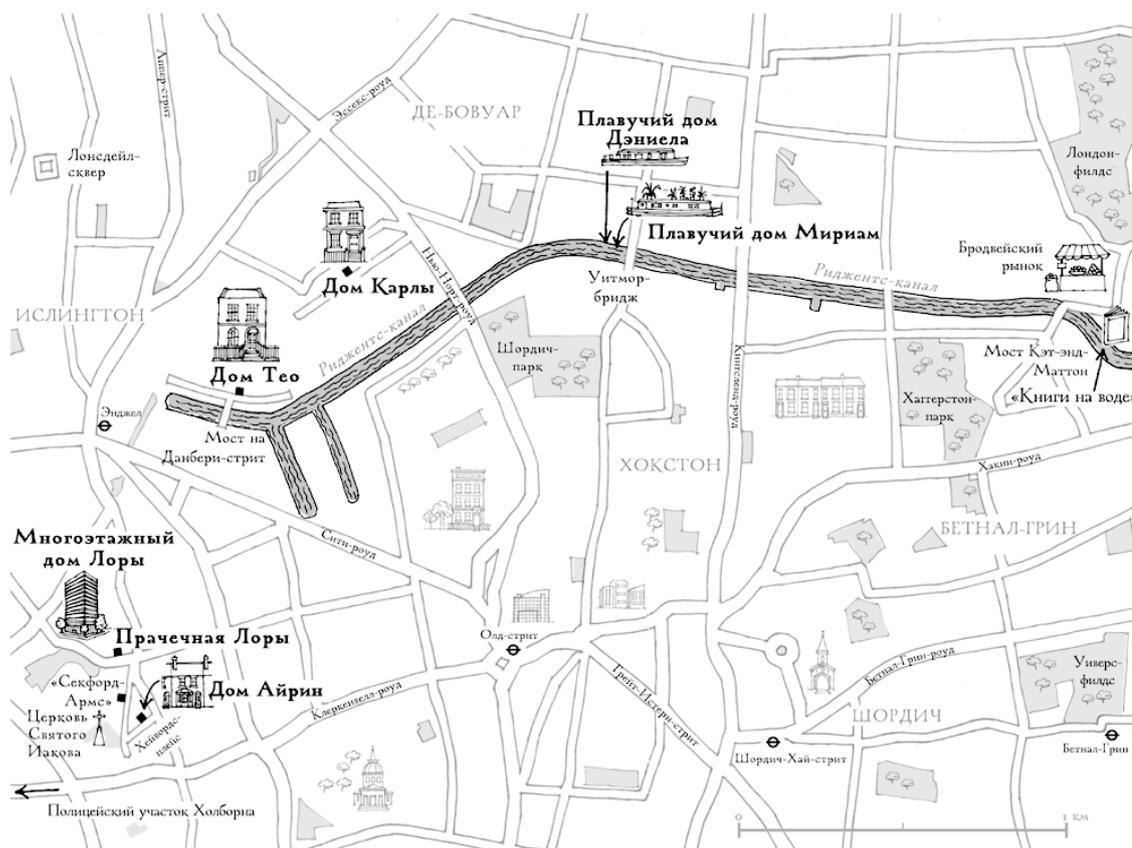
© Перевод. В. Антонов, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

*Эта книга посвящается
памяти Лиз Гохенадель Скотт,
чье сияние делало мир теплее.
Нам всегда будет ее не хватать.*

*Кто-то из нас рожден быть падальщиком,
а кто-то – его добычей.*

Эмили Скайя. Моя история...

Перепахканная кровью девушка шатаясь бредет в темноте. Сквозь разодранную одежду тут и там виднеются участки бледной кожи. Одной туфли нет, и нога сбита в кровь. Она испытывает страшные муки, но боль отступила на второй план, заглушенная другими страданиями.

Лицо ее искажено страхом, сердце бешено колотится, дыхание прерывистое, как у загнанного зверя.

Ночную тишину разрывает низкий гул. Самолет? Стерев кровь с глаз, девушка смотрит в небо, но на нем только звезды.

Гул становится громче и ниже. В машине переключили передачу? Ей удалось добраться до шоссе? Окрыленная надеждой, она находит в себе силы вновь броситься бежать.

Она скорее чувствует, чем видит свет позади. Чувствует, как свет фар выхватывает из темноты ее фигуру, и понимает, что машина приближается сзади. Едет с фермы. Девушка оборачивается.

Еще не видя его, она знает, что он ее нашел. Знает, что за рулем окажется именно он. Она замирает. Мгновение поколебавшись, прыгает в сторону от дороги, в канаву, перелезает через деревянный забор и оказывается на соседнем поле. Она бежит наугад, падает, поднимается и снова бежит, не издавая ни звука. Что толку кричать?

Поймав ее, он наматывает ее волосы на руку и тянет вниз. Она чувствует запах его дыхания. Она знает, что он собирается с ней сделать. Знает, что будет дальше, потому что уже видела, как он это делал, делал с ее подружкой, как яростно...

«Боже милостивый, – пробормотала Айрин, закрывая книгу и отправляя ее к другим, приготовленным для отправки в благотворительный магазин. – Что за чушь!»

1

В голове у Лоры раздался голос Дейдры. *Твоя проблема, Лора, в том,* сказала она, *что ты всегда делаешь неправильный выбор.*

В самую гребаную точку, Дейдра! Сама Лора не собиралась говорить или даже подумать нечто подобное, но, стоя в ванной, не в силах унять бившую ее дрожь и видя, как горячая кровь продолжает струиться из глубокого пореза на руке, вынуждена была признать, что воображаемая Дейдра абсолютно права. Чтобы не встречаться с собой взглядом, она наклонилась вперед и прижалась к зеркалу лбом. Однако смотреть вниз оказалось еще хуже – ей было видно, как из раны сочится кровь, отчего голова начала кружиться и ее затошнило. Сколько же крови! Порез оказался глубже, чем она думала, и – по-хорошему – ей бы следовало обратиться в отделение травматологии. Однако туда она ни за что пойдет.

Неправильный выбор.

Дождавшись, когда кровь наконец стала течь не так сильно, Лора сняла и швырнула на пол футболку, стянула джинсы, сбросила трусики и вывернулась из бюстгалтера. Почувствовав, как металлическая застежка зацепилась за порез, резко втянула воздух сквозь зубы и, сморщившись, прошипела:

– Твою мать!

Отправив бюстгалтер тоже на пол, Лора включила душ и встала под него, то и дело вздрагивая под струйкой обжигающей воды (ее душ предлагал на выбор либо очень горячую, либо очень холодную воду – смешивать потоки было нельзя). Кожа на кончиках пальцев сморщилась, и она осторожно потрогала ровные белесые шрамы на бедрах, плечах и затылке. *А вот и я,* тихо сказала она себе. *А вот и я.*

Неуклюже замотав предплечье туалетной бумагой, Лора обернулась стареньким полотенцем и, устроившись на уродливом сером кожаном диване в гостиной, позвонила матери. Попав на голосовую почту, она повесила трубку. Нет смысла тратить на нее деньги. Затем Лора позвонила отцу.

– С тобой все в порядке, цыпленок?

Было слышно, что в комнате работает радио. Станция «5 Лайв».

– Папа. – Она почувствовала, как к горлу подкатил комок, и проглотила его.

– Что случилось?

– Папа, ты не мог бы приехать? Я... у меня была очень непростая ночь, и мне бы хотелось, чтобы ты ненадолго приехал. Я понимаю, что отрываю тебя и на машине путь неблизкий, но...

– *Нет, Филип!* – прошипела сквозь зубы Дейдра на заднем плане. – *У нас игра в бридж!*

– Папа? Ты не мог бы выключить громкую связь?

– Милая, я...

– Серьезно, ты можешь выключить громкую связь? Я не хочу слышать ее голос, мне сразу хочется устроить пожар...

– Ну что ты, Лора, перестань...

– Ладно, забудь об этом, папа, все это не важно.

– Ты уверена?

Нет, нет и нет, ни черта я не уверена.

– Да, конечно. Я в порядке. Со мной все хорошо.

По пути в спальню Лора наступила на куртку, которую бросила в коридоре, когда спешила в ванную. Наклонилась и подняла ее. Один рукав был разорван, часы Дэниела по-прежнему лежали в кармане. Она вынула их и, перевернув, надела на запястье. Туалетная бумага вокруг предплечья пропиталась кровью, а рука тихонько пульсировала, отзываясь на выброс

крови из раны. Голова у нее закружилась. В ванной часы соскользнули с запястья и упали в раковину. Лора разорвала бумагу, сбросила на пол полотенце и забралась обратно под душ.

С помощью ножниц она старалась убрать грязь из-под ногтей и смотрела, как стекавшая вода становилась розовой от крови. Она закрыла глаза. В голове звучал вопрос Дэниела: *Что с тобой?*, а еще слова Дейдры: *Нет, Филип, у нас игра в бридж, – и ее собственные: Все сжечь! Сжечь! Сжечь... сжечь... сжечь...*

2

Каждое второе воскресенье Мириам чистила туалет. Ей приходилось вытаскивать бак (на удивление, неприятно тяжелый) из маленького клозета в задней части баржи, нести его через каюту, а потом еще целых сто ярдов по тропе до основного накопителя, в который его следовало опорожнить, после чего ополоснуть, чтобы удалить все, что осталось. Это было одним из самых существенных неудобств жизни в плавучем доме, и она старалась разделаться с этим пораньше, пока рядом никого не было. Нести бак с дерьмом на глазах у незнакомцев, собачников и бегунов было очень унижительно.

Мириам вышла на заднюю палубу, чтобы проверить, нет ли на тропе людей или других препятствий в виде брошенных велосипедов или бутылок (люди могут вести себя крайне антисоциально, особенно поздним вечером в субботу). Утро было ясное, слишком свежее для марта, хотя белые бутоны на глянцевых молодых ветвях платана и березы намекали на весну.

Март выдался холодным, и ее удивило, что двери каюты соседнего плавучего дома были открыты так же, как и накануне вечером. Это показалось ей странным. К тому же она хотела поговорить с жившим в нем молодым человеком о нарушении сроков швартовки. Он занимал причал целых шестнадцать дней, на два полных дня дольше, чем имел право, и она собиралась посоветовать ему подыскать себе другое место. Вообще-то это было не ее дело и не входило в круг ее обязанностей, но она, в отличие от большинства других людей, жила здесь постоянно, и это наполняло ее чувством особой ответственности.

Как бы то ни было, именно так Мириам объяснила инспектору Баркеру свое решение заглянуть в каюту пришвартованного рядом плавучего дома, когда он спросил ее об этом. Детектив сидел напротив нее сгорбившись и почти упираясь коленями в колени Мириам. Каюта плавучего дома – не самое удобное место для высокого человека, а инспектор был очень высоким мужчиной, с головой, похожей на бильярдный шар. На его лице была написана досада, как если бы он рассчитывал провести день, занимаясь чем-то приятным, например сходить с детьми в парк, а вместо этого вынужден был сидеть с ней, и ему это не нравилось.

– Вы что-нибудь трогали? – поинтересовался он.

Трогала ли она? Мириам закрыла глаза и представила, как осторожно стучит в окно бело-голубой баржи и ждет ответной реакции – голоса или подергивания занавески. Ничего не дождавшись, она наклонилась, чтобы заглянуть в каюту, но из-за сетчатой занавески и осевшей на стекле многолетней городской и речной грязи ничего не увидела. Она постучала еще раз и, не получив ответа, перебралась на заднюю палубу и громко спросила: *Эй! Есть кто-нибудь дома?*

Затем очень осторожно приоткрыла дверь каюты и сразу почувствовала какой-то запах – железа, мяса, чего-то, пробуждающего ощущение голода. *Эй?* Распахнув дверь полностью, она спустилась по паре ступенек в каюту, и от увиденного слова застряли у нее в горле: мальчик – вообще-то не мальчик, а молодой человек – лежал на полу. Все вокруг залито кровью, а на горле вырезан широкий смайлик.

Мириам вспомнила, как пошатнулась, прикрыла рот рукой и замерла. Почувствовав головокружение, наклонилась вперед, протянула руку и ухватилась за стойку. *О боже!*

– Я коснулась стойки, – сказала она детективу. – Мне кажется, я держалась за нее, как раз там, с левой стороны, при входе в каюту. Я увидела его и подумала... ну, я почувствовала... меня затошнило. – Она покраснела. – Но тогда меня не вырвало. А вот снаружи... Мне жаль, что я...

– Не переживайте из-за этого, – сказал Баркер, глядя ей в глаза. – Из-за этого не надо переживать. А что вы сделали потом? Вы увидели тело, оперлись на стойку... И?...

Ее поразил запах. К запаху всей этой крови примешивалось что-то еще, запах чего-то старого, сладкого и затхлого – так пахнут лилии, слишком долго простоявшие в вазе. Сочетание запаха и привлекательной внешности молодого человека производило сильное впечатление: красивое мертвое лицо, остекленевшие глаза, обрамленные длинными ресницами, между приоткрытыми пухлыми губами ряд ровных белых зубов. Его тело, руки и кисти были залиты кровью, а кончики пальцев прижаты к полу. Как будто он за него держался. Мириам повернулась и уже собиралась уйти, как вдруг ее взгляд привлек какой-то странный серебристый предмет, блеснувший в начинавшей чернеть крови.

Спотыкаясь, она вскарабкалась по ступенькам и выскочила из каюты, глотая воздух и задыхаясь. На тропинке ее вырвало, и она, вытерев рот, истошно закричала: «На помощь! Кто-нибудь, вызовите полицию!» Но в полвосьмого утра в воскресенье никого рядом не оказалось. На тропе было безлюдно, на дорогах наверху тоже никакого движения, и тишину нарушали лишь мерное потрескивание работавшего где-то генератора да недовольные крики пролетающих мимо чаек. Мириам бросила взгляд на мост через канал, и на мгновение ей показалось, что по нему кто-то шел, но потом и там уже никого не было, и она осталась одна, охваченная парализующим страхом.

– Я ушла, – сказала Мириам детективу. – Я сразу ушла с баржи... я позвонила в полицию. Меня стошнило, а затем я побежала к своей барже и вызвала полицию.

– Хорошо, хорошо.

Она подняла на него глаза и увидела, что он с любопытством разглядывает убранство аккуратной крохотной каюты. Книжки над раковиной («Рецепты блюд в одной посуде», «Об овощах по-новому»), травы на подоконнике, базилик и кориандр в пластиковых контейнерах, саженец розмарина в горшочке, покрытом голубой глазурью. Он взглянул на книжный шкаф, заполненный книгами в бумажных обложках. На нем стоял горшок с покрытым пылью вечно-зеленым спатифиллумом. На фотографии в рамке – семейная пара с крепким малышом посредине.

– Вы живете здесь одна? – поинтересовался он, но на самом деле вопрос был чисто риторическим.

Она знала, о чем он думал: толстая старая дева, защитница природы, любительница вязания, йогурта и сплетен, которая сует нос в чужие дела. Для Мириам не было секретом, какой ее видят люди.

– А вы... вы знаете своих... соседей? Хотя какие они соседи? Не думаю, что их можно так назвать, раз они останавливаются здесь всего на пару недель.

Мириам пожала плечами:

– Есть те, кто приезжает сюда регулярно, у них имеется свой причал, на котором они любят останавливаться, так что какие-то знакомства вполне возможны. Если есть такое желание. Но можно и держаться от всех подальше, как предпочитаю я.

Детектив никак не отреагировал на ее слова и промолчал, устремив на нее изучающий взгляд. Она поняла, что он пытается решить для себя, что она собой представляет, поскольку на слово никому не верит и не принимает за чистую монету все, что она ему говорит.

– А как насчет него? Человека, которого вы нашли сегодня утром?

Мириам покачала головой:

– Мы не были знакомы. Я видела его несколько раз, поздоровалась, пожелала доброго утра или что-то в этом роде, и он ответил. Вот и все. Больше никаких разговоров, даже простого обмена любезностями.

(Все было *не совсем* так: после того, как он пришвартовался, она действительно видела его всего пару раз и сразу угадала в нем новичка. Баржа была в ужасном состоянии: краска отслаивалась, перемишки покрылись ржавчиной, дымоход покосился, да и сам он выглядел слишком ухоженным для жизни на канале. Чистая одежда, белые зубы, никакого пирсинга или

татуировок. Во всяком случае, их не было видно. Привлекательный молодой человек, довольно высокий, темноволосый, темноглазый, черты лица резкие. Увидев его в первый раз, она поздоровалась, а он взглянул на нее, улыбнулся, и она почувствовала, как по коже у нее пробежали мурашки.)

Тогда она обратила на это внимание. Но рассказывать об этом детективу Мириам не собиралась. *Когда я впервые увидела его, у меня возникло странное ощущение...* Он точно решит, что она ненормальная. Но только сейчас она поняла, что именно тогда почувствовала. Это не было предчувствием или еще какой подобной глупостью, это было *узнаванием*.

Это открывало новые возможности. Такая мысль возникла у нее сразу же, как только она поняла, кем был этот молодой человек, но она не знала, как воспользоваться этим наилучшим образом. Однако теперь, когда он был мертв, казалось, что все случилось именно так, как и должно было произойти. Интуиция.

– Миссис Льюис? – обратился к ней детектив Баркер.

– Мисс, – поправила Мириам.

Он на мгновение закрыл глаза.

– Мисс Льюис. Вы не видели его с кем-нибудь? Он с кем-нибудь разговаривал?

Поколебавшись, она кивнула:

– К нему приходили. Думаю, пару раз. Может, был еще кто-то, но я видела только женщину, старше его, ближе к моему возрасту, лет за пятьдесят. Серебристые волосы, очень короткая стрижка. Худенькая, по-моему, довольно высокая, ростом пять футов восемь, может, девять дюймов, черты лица угловатые...

Бейкер удивленно приподнял бровь.

– Вы так хорошо ее разглядели?

Мириам снова пожала плечами:

– Ну да. Я довольно наблюдательна. Мне нравится быть в курсе событий. – Можно и подыграть его суждениям. – Но она относится к тем женщинам, которых при всем желании невозможно не заметить, она просто бросалась в глаза. Стрижка, одежда... она выглядела *дорого*.

Детектив снова кивнул, беря это на заметку, и Мириам не сомневалась: чтобы понять, о ком она говорит, много времени ему не понадобится.

Как только детектив ушел, полицейские оцепили тропу между Де-Бовуаром и Шеппертоном, двигаясь по берегу канала вдоль пришвартованных судов. Неоцепленными остались только место преступления и баржа Мириам. Сначала полицейские пытались уговорить ее переехать в другое место, но она четко дала им понять, что ночевать ей больше негде. Где они собираются ее разместить? Молодому полицейскому в форме, с писклявым голосом и прыщами, было явно не по себе от этой попытки переложить на него ответственность. Посмотрев сначала вверх, на небо, а потом вниз, на воду, он окинул взглядом канал и остановил его на Мириам – маленькой, толстой, безобидной женщине средних лет, – после чего сдался. Он переговорил с кем-то по рации, а затем вернулся к ней и разрешил остаться.

– Вы можете беспрепятственно покинуть свою... хм... *резиденцию* и возвращаться в нее, но только не гулять вдоль канала, – сообщил он.

В тот день Мириам сидела на задней палубе своего плавучего дома под тусклым солнцем, наслаждаясь необычной тишиной закрытого для посещения канала. В накинутом на плечи одеяле и с чашкой чая под рукой, она наблюдала, как полицейские и эксперты сновали туда-сюда, приводили собак, проплывали на катерах, обыскивали тропу и землю рядом с ней, обшаривали дно в мутной воде.

Если учесть, каким непростым для нее выдался день, она чувствовала себя на редкость умиротворенной, а при мыслях об открывающихся перед ней новых возможностях ощущала

прилив оптимизма. В кармане кардигана она нащупала маленький ключик на брелоке, все еще липким от крови. Она подобрала его с пола и скрыла это от детектива, даже не задумываясь о том, почему так делает.

Чутье.

Это он, этот ключ, тогда поблескивал рядом с телом молодого человека. Ключ был на небольшом деревянном брелоке в форме птички. Она сразу узнала его, поскольку не раз видела пристегнутым к поясу джинсов, которые носила Лора из прачечной самообслуживания. За глаза ее называли «шалвной Лорой», но Мириам всегда находила ее довольно дружелюбной и вовсе не злой. Мириам видела, как Лору, которая была, судя по всему, здорово навеселе, привел на свою обшарпанную баржу тот красивый молодой человек. Когда это было? Два дня назад? Три? Она наверняка записала это в блокнот – все интересные посещения Мириам обязательно фиксировала в блокноте.

Когда спустились сумерки, полицейские вынесли тело, поднялись по ступенькам и вышли на дорогу, где их ждала машина «Скорой помощи», чтобы увезти тело в морг. Когда они проходили мимо Мириам, она поднялась, почтительно склонила голову и тихо произнесла, все еще не до конца веря в случившееся: *Покойся с миром.*

И еще она прошептала слова благодарности. Потому что, пришвартовав свой плавучий дом рядом, а потом став жертвой жестокого убийства, Дэниел Сазерленд предоставил Мириам возможность, которую она просто не могла упустить: возможность отомстить за все причиненные ей обиды.

В наступившей темноте и непривычной тишине Мириам стало немного не по себе, и она ушла в каюту, тщательно заперев за собой дверь. Вынув из кармана ключ Лоры, положила его в деревянную шкатулку для безделушек, которую хранила на верхней книжной полке. Четверг был днем стирки. Тогда она и вернет его Лоре.

А может, и не вернет.

Разве можно заранее знать, что именно окажется полезным?

3

– Миссис Майерсон? Может, вам лучше присесть? Вот так. Постарайтесь дышать глубже. Нужно кому-нибудь позвонить, миссис Майерсон?

Карла опустилась на диван и, согнувшись пополам, уткнулась лицом в колени, скуля, будто собака.

– Тео, – сумела она выдать из себя. – Позвоните, пожалуйста, Тео. Это мой муж. Бывший муж. Он есть у меня в телефоне. – Она подняла голову, осматривая комнату, но телефона не увидела. – Я не знаю, где он, я не знаю, куда...

– Он у вас в руке, миссис Майерсон, – мягко произнесла женщина-детектив. – Вы держите телефон в руке.

Карла посмотрела вниз и увидела, что крепко сжимает в дрожащей руке свой мобильный телефон. Покачав головой, она передала его детективу.

– Я схожу с ума, – сказала она.

Женщина растянула губы в легкой улыбке и на мгновение ободряюще положила руку Карле на плечо. Потом забрала телефон и вышла на улицу, чтобы позвонить.

Другой детектив, инспектор Баркер, откашлявшись, спросил:

– Я так понимаю, что мать Дэниела умерла, верно?

Карла кивнула.

– Шесть... нет, восемь недель назад, – ответила она и увидела, как брови детектива взлетели вверх от удивления. – Моя сестра упала дома, – пояснила Карла. – Это не было... это был несчастный случай.

– А у вас есть контакты отца Дэниела?

Карла покачала головой:

– Вряд ли. Он живет в Америке, и уже давно. Он не интересовался, он никогда не принимал участия в жизни Дэниела. Просто... – Голос Карлы дрогнул, она глубоко вздохнула и медленно выдохнула. – Были только Анджела и Дэниел. И я.

Баркер кивнул. Он молча стоял перед камином, выпрямившись во весь рост, и ждал, пока Карла успокоится.

– Вы недавно здесь живете? – спросил он, решив, как показалось Карле, что подождет достаточно долго для соблюдения приличий.

Она ошеломленно посмотрела на него. Инспектор показал длинным указательным пальцем на ящики и картины, прислоненные к стене столовой.

Карла громко высморкалась.

– Я собираюсь повесить эти картины почти шесть лет, – ответила она. – Когда-нибудь займусь крючками для них. А эти ящики из дома моей сестры. Понимаете, письма, фотографии. Вещи, которые мне не хочется выбрасывать.

Баркер кивнул. Он скрестил руки на груди, переступил с одной ноги на другую, открыл рот, чтобы что-то сказать, но ему помешал громкий стук захлопнувшейся входной двери. От неожиданности Карла вздрогнула. В комнату с виноватым видом вошла детектив-констебль Чалмерс.

– Мистер Майерсон уже в пути. Он сказал, что скоро будет.

– Он живет в пяти минутах отсюда, – уточнила Карла. – На Ноэль-роуд. Вы знаете это место? Там в шестидесятые годы жил Джо Ортон. Драматург. Там его убили. Кажется, забили до смерти или зарезали.

Детективы непонимающе смотрели на нее.

– Но все это... *не важно*, – сказала Карла. И с ужасом поймала себя на мысли, что едва не расхохоталась. Почему она вообще это вспомнила? Почему заговорила о Джо Ортоне, о людях,

которых избивают? Она действительно сходит с ума. Детективы, казалось, не придали этому значения или посчитали обычной реакцией. Возможно, все люди ведут себя как сумасшедшие, узнав об убийстве члена своей семьи.

– Когда вы в последний раз видели своего племянника, миссис Майерсон? – спросил у нее Баркер.

Карла никак не могла сосредоточиться и вспомнить.

– Я... Господи, я его видела... в доме Анджелы. В доме моей сестры. Это недалеко, минут двадцать пешком, на другой стороне канала, на Хейвордс-плейс. Я разбирала ее вещи, и Дэниел приходил кое-что забрать. Он не жил там много лет, но некоторые его вещи по-прежнему хранились в старой спальне, в основном альбомы для рисования. Он был довольно талантливым художником. Знаете, он рисовал комиксы. Графические романы. – Она невольно вздрогнула. – Так когда это было? Неделю назад? Две недели? Господи, я не могу вспомнить, моя голова просто отказывается *соображать*, я... – Она с силой поскребла ногтями по голове, запустив пальцы в короткие пряди волос.

– Все в порядке, миссис Майерсон, – сказала Чалмерс. – Мы можем уточнить подробности позже.

– Итак, как долго он жил там, на канале? – поинтересовался Баркер. – Вы случайно не знаете, когда...

Раздался громкий стук дверного молотка, и Карла снова вздрогнула.

– Тео, – выдохнула она, поднимаясь. – Слава богу!

Чалмерс оказалась у двери раньше Карлы и впустила в холл Тео, от волнения красного и покрытого потом.

– Господи, Си, – сказал он, хватая Карлу и крепко прижимая к себе. – Что, черт возьми, случилось?

Полицейские снова прошлись по всем фактам. Племянник Карлы, Дэниел Сазерленд, был найден тем утром мертвым в своем плавучем доме, пришвартованном у Де-Бовуар-роуд на Риджентс-канал. Его несколько раз ударили ножом. Вероятно, он был убит за двадцать четыре часа или за тридцать шесть часов до того, как его нашли; позже они смогут определить время точнее. Они задавали вопросы о работе и друзьях Дэниела, о том, не было ли у него проблем с деньгами и не принимал ли он наркотики.

Они не знали.

– Вы не были близки? – предположила Чалмерс.

– Я его почти не знал, – ответил Тео. Он сидел рядом с Карлой, потирая лоб указательным пальцем, как делал всегда, когда его что-то беспокоило.

– Миссис Майерсон?

– Близки не были, нет. Нет... Ладно. Видите ли, мы с сестрой редко виделись...

– Хотя она жила прямо за каналом? – удивилась Чалмерс.

– Нет, – покачала головой Карла. – Мы... Я очень давно не общалась с Дэниелом. В самом деле. Со времени его детства. А снова его увидела, как я уже говорила, когда умерла моя сестра. Какое-то время он жил за границей. Кажется, в Испании.

– А когда он перебрался жить на баржу? – поинтересовался Баркер.

Карла сжала губы и покачала головой.

– Не знаю, – ответила она. – Правда, не знаю.

– Мы понятия не имели, что он там живет, – добавил Тео.

Баркер пристально посмотрел на него.

– Но ведь его баржа пришвартована довольно близко от вашего дома. Вы же живете на Ноэль-роуд, верно? Это примерно в миле от того места, где стоял его плавучий дом.

Тео пожал плечами и снова с силой потер лоб – кожа у линии роста волос заметно порозовела. Он выглядел так, будто сгорел на солнце.

– Вполне может быть, но я понятия не имел, что он там живет.

Детективы переглянулись.

– Миссис Майерсон? – Баркер повернулся к ней.

Карла покачала головой.

– Понятия не имею, – тихо сказала она.

После этого детективы надолго замолчали. Карле показалось, что они рассчитывали услышать от нее что-то еще. От нее или от Тео.

Тео оправдал их ожидания.

– Вы сказали... сутки, верно? От одних суток до полутора?

Чалмерс кивнула:

– По нашим оценкам, смерть наступила где-то между восемью часами вечера пятницы и восемью утра субботы.

– Понятно, – Тео снова потер лоб, глядя в окно.

– Вы о чем-то подумали, мистер Майерсон?

– Я видел девушку, – сказал Тео. – В субботу утром. Было рано – может, часов шесть? Она шла по дороге вдоль канала мимо моего дома. Я стоял у окна в кабинете и увидел ее. Я ее запомнил, потому что на ней была кровь. На лице. Думаю, что и на одежде тоже. Она не была в крови с ног до головы, нет, но... перепачкана ею, точно.

Карла недоверчиво уставилась на него.

– Что ты такое говоришь? Почему ты не рассказал мне?

– Ты спала, – объяснил Тео. – Я встал, собирался сварить кофе и пошел за сигаретами в кабинет. Я увидел ее из окна. Она была молода, думаю, не больше двадцати лет, и шла по тропинке. Хромала. А может, просто шаталась? Я решил, что она пьяна. Я не сказал... просто не придавал этому значения, ведь в Лондоне всегда полно странных или пьяных людей, разве не так? В такое время можно часто встретить кого-то, бредущего домой...

– В крови? – поинтересовался Баркер.

– Ну, это вряд ли. Вряд ли в крови. Вот почему я ее и запомнил. Я решил, что она упала или подралась. Я подумал...

– Но почему ты ничего не сказал? – не дав ему договорить, снова спросила Карла.

– Ты *спала*, Си, я не думал...

– Миссис Майерсон спала у вас дома? – нахмурившись, вмешалась Чалмерс. – Я правильно поняла? Вы ночевали у мистера Майерсона?

Карла смутилась и медленно кивнула.

– В пятницу мы вместе ужинали, и я осталась...

– Понимаете, хоть мы и разведены, но продолжаем поддерживать отношения и часто...

– Их это не интересует, Тео, – резко оборвала его Карла, и Тео вздрогнул.

Карла поднесла к носу салфетку.

– Извините. Прошу прощения. Но ведь это же не важно, верно?

– Никогда не знаешь, что окажется важным, – уклончиво отозвался Баркер и направился к выходу. Вручив Тео визитку, он что-то сказал о формальном опознании, родственных узах и необходимости оставаться на связи. Тео кивнул, сунул визитку в карман брюк и пожал детективу руку.

– А как вы узнали? – неожиданно спросила Карла. – Я имею в виду, кто сообщил об этом? Кто его нашел?

Чалмерс посмотрела на своего шефа и снова перевела взгляд на Карлу.

– Его нашла женщина, – сказала она.

– Женщина? – переспросил Тео. – Подруга? Молодая? Стройная? Я просто думаю о той, которую видел, на которой была кровь. Возможно, она...

Чалмерс покачала головой:

– Нет, это была женщина, живущая на соседней барже, и немолодая. Я бы сказала, средних лет. Она заметила, что на барже нет никакого движения, и пошла его проведать.

– Значит, она ничего не видела? – спросил Тео.

– Вообще-то она очень помогла, – сказал Баркер. – Она оказалась очень наблюдательной.

– Это хорошо, – сказал Тео, потирая лоб, – это очень хорошо.

– Некая миссис Льюис, – добавил Баркер, а Чалмерс его поправила:

– Мисс.

– Верно, – согласился он.

Карла заметила, как изменился в лице и побледнел Тео, когда Баркер добавил:

– Мисс Мириам Льюис.

4

– Он первый начал, слышите? Запомните! Он сам начал!

Они ждали, когда она вернется домой. Наверняка так и было, потому что они постучали в ее дверь буквально через тридцать секунд после того, как она вошла. Лора даже не успела отдышаться: она жила на седьмом этаже, а лифты опять не работали. И вот они вдруг заявились, отчего она лишь вышла из себя и занервничала. И, как долбаная идиотка, тут же начала выступать, хотя отлично знала, что этого делать не следовало. Тем более что в неприятности она попадала уже не в первый раз.

Правда, обычно неприятности были другими. Пьянство в общественном месте, мелкое воровство, вторжение в частное владение, вандализм, хулиганство. Один раз ее признали виновной в простом нападении. А дело о нападении с нанесением телесных повреждений все еще было в суде.

Но сейчас они пришли *по другой причине*. Она поняла это почти сразу, потому что, пытаясь отдышаться и возмущаясь вслух, сообразила, что на этот раз к ней пришли *детективы*. Они назвали свои фамилии, звания и все такое, что тут же вылетело у нее из головы, однако факт оставался фактом: перед ней стояли полицейские в штатском, а это означало совсем другой уровень неприятностей.

– Вы не возражаете, если мы войдем, мисс Килбрайд? – вежливо спросил мужчина. Он был высоким, худощавым и лысым, как яйцо. – Нам лучше поговорить с вами внутри. – Он не сводил взгляда с кухонного окна, которое она плохо закрыла.

Лора отрицательно замотала головой:

– Я возражаю, не думаю, что внутри будет лучше. Понимаете, мне необходим попечитель, вы можете меня допрашивать только в присутствии законного представителя... А вообще, в чем дело? Это из-за того парня в баре? Это дело уже рассматривается. Я получила повестку в суд, она пришпилена магнитом к холодильнику. Можете сами убедиться, если хотите... Нет, нет, нет, стойте! Подождите! Это не приглашение войти, это выражение такое...

– А зачем вам нужен попечитель, мисс Килбрайд? – Напарница Лысого, примерно на фут ниже своего коллеги, с жесткими темными волосами, которые обрамляли большое круглое лицо с мелкими чертами, приподняла сросшиеся на переносице брови. – Разве вы несовершеннолетняя?

– Мне двадцать пять, и вам это отлично известно! – огрызнулась Лора.

Она не смогла их остановить: Лысый был уже в прихожей, а Бровастая протискивалась мимо, говоря:

– Откуда нам это знать?

– Так кто что начал, мисс Килбрайд? – поинтересовался Лысый с кухни.

Проследовав за ним, Лора увидела, как он наклонился, заложив руки за спину, и разглядывал повестку на холодильнике.

Лора громко фыркнула и подошла к раковине, чтобы налить себе воды. Ей нужно собраться. Посчитать. Когда она повернулась к Лысому, он посмотрел сначала на нее, а потом через ее плечо в окно.

– Были проблемы? – Он невинно приподнял брови.

– Не совсем.

Появилась его напарница со сросшимися бровями.

– Вы где-то поранилась, Лора? – спросила она.

Жадно глотая воду, Лора закашлялась и смерила женщину хмурым взглядом.

– Так что случилось с *мисс Килбрайд*, а? Мы ведь теперь друзья, верно? Лучшие друзья?

– Что с вашей ногой, Лора? – подключился Лысый. – Как вы ее повредили?

– В детстве меня сбила машина. Сложный перелом бедренной кости. У меня жуткий шрам, – сказала она, касаясь пальцами ширинки джинсов и пристально глядя на него. – Хотите посмотреть?

– Не особенно, – мягко ответил он. – А как насчет вашей руки? – Он указал пальцем на повязку вокруг ее правого запястья. – Эта рана явно не из детства.

Лора закусила губу.

– Я потеряла ключ, понимаете? Вечером в пятницу. Пришлось лезть в окно. – Она кивнула, указывая на кухонное окно, которое выходило на внешнюю дорожку, опоясывавшую весь жилой дом. – Получилось не очень удачно.

– Наложили швы?

Лора покачала головой:

– Я поранилась не так уж сильно.

– А ключ нашелся? – Повернувшись, он миновал проход, соединявший кухню с гостиной, и разглядывал все так, будто собирался купить квартиру. Ну, это вряд ли, квартира была в жутком состоянии. Лора знала, что ей следовало стыдиться дешевой мебели, голых стен, пепельницы на полу, которую кто-то задел ногой, и теперь по ковру был рассыпан пепел. И черт его знает, как давно это случилось, потому что сама она не курила и не могла вспомнить, когда в последний раз к ней кто-то приходил. Но заставить себя навести порядок было выше ее сил.

– Так как? – Бровастая презрительно поморщилась, оглядев Лору с ног до головы: обвисшие на коленках легинсы, грязную футболку, потрескавшийся лак на ногтях, сальные волосы.

Иногда Лора забывала принять душ, причем по нескольку дней подряд. Иногда вода обжигала, а иногда шла холодная, как сейчас, потому что бойлер действовал по своему разумению и работал когда хотел. Заплатить за вызов сантехника ей было нечем, и сколько бы она ни обращалась в совет, там все равно не чесались.

– Так как – что?

– Ключ нашелся? – повторила Бровастая с легкой улыбкой, будто поймала ее на лжи. – Вам удалось отыскать ключ?

Лора допила воду, втянула сквозь зубы воздух и решила не отвечать.

– Вы не возражаете? – громко спросила она, отодвигая Бровастую локтем, чтобы пройти за Лысым.

– Ни в коей мере, – отозвался тот.

Теперь он стоял посреди гостиной и разглядывал единственное ее украшение – семейную фотографию в рамке. На ней были изображены родители и дочь. Кто-то потрудился над тем, чтобы испортить снимок, а уже потом вставить его в рамку и повесить на стену. К голове отца были подрисованы рога, изо рта матери высовывался раздвоенный язык, глаза девочки были перечеркнуты крестиками, а губы покрашены в кроваво-красный цвет. Лысый приподнял брови и повернулся к ней.

– Семейный портрет? – поинтересовался он.

Лора пожала плечами.

– Папа – это дьявол, верно?

Она покачала головой и посмотрела ему прямо в глаза:

– Просто рогоносец.

Лысый поджал губы, медленно кивнул и повернулся, чтобы еще раз взглянуть на фотографию.

– Ладно, – произнес он, – ладно.

– Я взрослая, которая находится в уязвимом положении, – снова напомнила Лора, и детектив вздохнул.

– Нет, – устало возразил он, отвернулся от фотографии и тяжело опустился на диван. – Вы живете одна, подрабатываете в прачечной самообслуживания на Спенсер-стрит, и мы точно

знаем, что вас несколько раз допрашивали в полиции без присутствия законного представителя, так что давайте больше не будем к этому возвращаться. Договорились?

Его голос звучал жестко, одежда была мятой, а сам он выглядел очень усталым, словно вернулся из долгого путешествия или почти не спал ночью.

– Присядьте, пожалуйста. Расскажите мне о Дэниеле Сазерленде.

Лора села за столик в углу комнаты, за которым обычно ужинала, когда смотрела телевизор. На мгновение она почувствовала облегчение и удивленно пожала плечами.

– А что с ним? – спросила она.

– Значит, вы с ним знакомы?

– Конечно, знакома. Наверное, он вам на меня пожаловался. Могу сказать, что это полная чушь, потому что ничего не было и в любом случае он начал первым.

Лысый улыбнулся. Улыбка у него была удивительно теплой.

– Ничего не было, но он начал первым? – повторил он.

– Именно так.

– И когда было это ничего? – поинтересовалась Бровастая, входя в комнату из кухни. – И что именно он начал?

Она устроилась рядом с коллегой на уродливом двухместном диване из искусственной кожи. Рядом они смотрелись очень забавно: она – маленькая и полная, а он – высокий и худой, один в один Ларч и Фестер из «Семейки Аддамс». Лора хмыкнула.

Бровастой это не понравилось, ее лицо потемнело, и она резко спросила:

– Вам что-то показалось смешным? Вы считаете, что в этой ситуации есть что-то забавное?

Лора покачала головой.

– Фестер, – сказала она, улыбаясь. – Вы вылитый дядя Фестер, только с волосами. Вам уже об этом говорили?

Женщина уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но в разговор вмешался сохранявший хладнокровие Лысый.

– Дэниел Сазерленд, – повторил он снова, на этот раз громче, – ничего нам о вас не рассказывал. Мы пришли поговорить с вами, потому что сняли со стакана, который нашли на барже Дэниела, отпечатки пальцев двух человек, и те, что не принадлежат ему, оказались вашими.

Лора внезапно почувствовала озноб. Она потеряла ключицу и закашлялась.

– Сняли... что? Вы сняли *отпечатки пальцев*?! Что происходит?!

– Не могли бы вы рассказать нам о своих отношениях с мистером Сазерлендом, Лора? – спросила Бровастая.

– Отношениях? – невольно рассмеялась та. – Это слишком сильно сказано. В пятницу вечером мы два раза трахнулись. Вряд ли это можно назвать *отношениями*.

Бровастая неодобрительно – или недоверчиво – покачала головой.

– А как вы с ним познакомились?

Лора с трудом сглотнула.

– Я познакомилась с ним, потому что иногда помогаю Айрин, которая живет на Хейвордс-плейс – знаете, прямо у церкви, по дороге к маленькому магазину. Мы начали общаться несколько месяцев назад, и, как я уже сказала, время от времени я ей помогаю, потому что она старая, страдает артритом и забывчивостью, а недавно упала, вывихнула лодыжку или что-то в этом роде, и ей трудно ходить в магазин. Я делаю это не из-за денег или чего-то такого, хотя она время от времени и накидывает мне пятерку, просто чтобы отблагодарить за потраченное время. Она такая милая... Так вот. Да, Дэн – Дэниел Сазерленд – когда-то жил по соседству с Айрин. Он давно переехал, но его мать жила там до самой смерти, когда мы с ним и познакомились.

– Вы познакомились, когда умерла его мать?

– После, – уточнила Лора. – Меня там вообще не было, когда она сыграла в ящик.

Бровастая взглянула на своего коллегу, но тот не смотрел на нее: он снова разглядывал семейный портрет, и на его лице было грустное выражение.

– Хорошо, – сказала Бровастая. – Ладно. Так в пятницу вы были с мистером Сазерлендом, верно?

Лора кивнула.

– Мы пошли *на свидание*, – пояснила она, – что для него означало пропустить пару рюмок в баре в Шордиче, а затем вернуться на свою паршивую баржу, чтобы трахнуть.

– И... и он причинил вам боль? Или... принуждал к чему-то? Что он *начал*? – спросил Лысый, подаваясь вперед. Теперь его внимание было полностью сосредоточено на Лоре. – Вы сказали, он что-то начал. Что это было?

Лора прикрыла глаза. Она в мельчайших подробностях помнила выражение удивления на лице Дэниела, когда она на него набросилась.

– Все было хорошо, – сказала она. – Мы отлично провели время. Мне казалось, что отлично. – Она вдруг покрылась румянцем, чувствуя, как из груди по шее поднимается волна жара и заликает щеки. – А потом он неожиданно стал... ну, вроде как холодным и грубым, будто бы даже не хотел, чтобы я там находилась. Он меня... оскорблял! – Она опустила взгляд на большую ногу и вздохнула. – А у меня непростое состояние. Я уязвимая взрослая. Я знаю, вы сказали, что нет, но это так. Уязвимая.

– Значит, вы с ним поругались? – спросила Бровастая.

Лора кивнула, опустив голову и глядя себе под ноги.

– Да, можно сказать и так.

– Вы подрались? В прямом смысле слова?

На ее кроссовке, прямо над мизинцем левой ноги, виднелось пятно. Темно-коричневое. Она убрала левую ногу за правую лодыжку.

– Нет, нет... Ну ладно, если только самую малость.

– Значит, насилие все же было, но серьезным вы бы его не назвали?

Лора заложила левую ногу за щиколотку правой.

– Ничего подобного, – сказала она. – Просто... выяснение отношений.

Она перевела взгляд на Лысого, потиравшего указательным пальцем тонкие губы, а тот, в свою очередь, посмотрел на Бровастую, которая встретила с ним взглядом. Казалось, они поняли друг друга без слов. Достигли согласия.

– Мисс Килбрайд, в воскресенье утром тело Дэниела Сазерленда было обнаружено на его барже. Можете ли вы сказать нам, когда видели его в последний раз?

Во рту у Лоры внезапно пересохло, она не могла глотать, в ушах зашумело, и она крепко зажмурилась.

– Погодите... – Она поднялась на ноги, ухватилась за стол, чувствуя, как рушится мир вокруг. Потом снова села. – Погодите, – снова повторила она, – его тело? Вы хотите сказать?...

– Что мистер Сазерленд мертв, – произнес Лысый тихим, ровным голосом.

– Но... этого не может быть! – Лора услышала, как ее голос дрогнул.

Лысый медленно кивнул.

– В воскресенье утром? Вы сказали, в воскресенье утром?

– Да, – подтвердил Лысый. – Тело мистера Сазерленда было обнаружено в воскресенье утром.

– Но... – Лора чувствовала, как в горле у нее пульсирует кровь, – я видела его в пятницу вечером, а ушла в субботу утром. Я ушла в субботу утром. В семь часов, может, даже раньше. *В субботу утром*, – повторила она еще раз для убедительности.

Бровастая подхватила эстафету и заговорила легким, музыкальным голосом, как будто рассказывала забавную историю и собиралась перейти к кульминации.

– Мистер Сазерленд умер от обильной кровопотери, получив ножевые ранения в грудь и шею. Время его смерти еще точно не установлено, но наш эксперт полагает, что до обнаружения тела прошло от суток до полутора. Вы говорите, что были с мистером Сазерлендом в пятницу вечером, верно?

Лицо Лоры пылало, в глазах защипало. Дура! Какая же она дура!

– Да, – тихо подтвердила она. – Я была с ним в пятницу вечером.

– В пятницу вечером. И вы пришли с ним в плавучий дом, да? Вы сказали, что занимались с ним сексом? Два раза, не так ли? И во сколько именно вы ушли от мистера Сазерленда в субботу утром?

Ловушка. Это была ловушка, и она угодила прямо в нее. Идиотка. Она сильно закусила нижнюю губу. Представила, как адвокат советует ей: *Ничего не говорите. Ни с кем не разговаривайте.* Она покачала головой и непроизвольно издала легкий звук, который вырвался помимо ее воли.

– Что это было? Лора? Вы что-то сказали, Лора?

– Мне жаль, что он мертв, и все такое, – сказала она, игнорируя совет, прозвучавший у нее в голове, – но я здесь ни при чем. Вы меня слышите? Я ничего не делала. Я никого не резала. Если кто-то говорит, что это сделала я, то это ложь! Он был... не знаю, он говорил мне всякие гадости. Но я *ничего не делала*. Может, я его ударила, не исключая... – Почувствовав вкус крови во рту, она с трудом сглотнула. – И не говорите... не говорите, что это сделала я, потому что я не имею к этому никакого отношения. Может, мы и толкнули друг друга пару раз, но не более того, понимаете, а потом он ушел, и больше ничего не было. Понимаете, это не моя вина, не моя вина, даже... если и была какая-то стычка или еще что-то в этом роде, то это не моя вина. – Лора слышала, как говорит все громче и громче, а ее голос звучит все пронзительнее, и понимала, что все больше начинает походить на тех сумасшедших, что стоят на углу улицы и кричат в пустоту. Она знала, как все это выглядело, но остановиться просто не могла.

– *Ушел?* – переспросила Бровастая. – Вы сказали: «Потом он ушел». Что вы имели в виду, Лора?

– Я имею в виду, что он ушел. Он ушел, вышел, что же еще? После того как мы подрались – на самом деле даже не дрались, а так... – после этого он просто надел джинсы, вышел и оставил меня там.

– В своем доме... на барже, одну?

– Ну да. Полагаю, он был из доверчивых, – сказала она и засмеялась, понимая, как это неуместно, но все же не сумев удержаться. Разве не смешно, что он проявил доверчивость? В таких-то обстоятельствах? Может, и не очень смешно, но все же. Начав смеяться, она поняла, что никак не может остановиться. Почувствовала, как лицо заливают краска, словно от удушья.

Детективы обменялись взглядами. Бровастая пожалала плечами.

– Пойду принесу ей воды, – сказала она наконец.

Через мгновение Лора услышала ее крик, но не из кухни, а из ванной.

– Сэр, вы не подойдете сюда на минутку?

Лысый поднялся, и Лора почувствовала, что ее охватывает паника, и ей было уже не до смеха.

– Постойте, я не разрешала туда входить, – заявила она, но было уже слишком поздно.

Лора пошла за ним к ванной, у порога которой стояла Бровастая, указывая сначала на раковину, где она оставила часы (несомненно, принадлежавшие Дэниелу Сазерленду, поскольку на задней крышке были выгравированы его инициалы), а затем на ее валяющуюся в углу футболку, перепачканную кровью.

– Я порезалась, – объяснила Лора, чувствуя, что лицо ее пылает. – Я вам говорила. Я порезалась, когда лезла в окно.

– Об этом вы говорили, – подтвердила Бровастая. – А не хотите рассказать нам и о часах тоже?

– Я их взяла, – хмуро призналась Лора, – это ясно. Я действительно их забрала. Но это не то, что вы думаете. Я сделала это ему назло. Хотела... не знаю, бросить в канал и сказать, чтобы за ними нырял. Но потом я... Ну, я подумала, что эти часы могут для него что-то значить. Понимаете, когда я увидела гравировку на обратной стороне, то подумала: а что, если их перед смертью отдала ему мать или что-то в этом роде и они были особенными? Я собиралась вернуть их ему.

Лысый посмотрел на нее с грустью, как будто у него были очень плохие новости, что в общем-то так и было.

– Сейчас, – сказал он, – мы поступим следующим образом. Мы отвезем вас в полицейский участок, чтобы задать еще несколько вопросов. Вам придется отвечать на вопросы под присягой, вы понимаете, что это значит? А еще мы собираемся взять у вас образцы, которые сравним с найденными на месте преступления.

– Образцы? Какие образцы?

– В участке сотрудник возьмет у вас материал из-под ногтей, расчесет вам волосы, чтобы получить их образец, вот так. В этом нет ничего страшного, так что беспокоиться не о чем...

– А если я буду против? – Голос Лоры дрожал, ей хотелось, чтобы кто-то ей помог, но она не знала кто. – Я могу отказаться?

– Все в порядке, Лора, – успокаивающе заверила Бровастая. – Все очень легко и просто, вам совершенно нечего бояться.

– Это неправда! – возразила Лора. – Вы знаете, что это неправда!

– Кроме того, – продолжал Лысый, – мы собираемся запросить ордер на обыск вашей квартиры, и вы наверняка понимаете, что в данной ситуации у нас не возникнет проблем с его получением. Поэтому, если, по вашему мнению, нам следует знать что-то еще, то сейчас самое время об этом рассказать. Договорились?

Лора пыталась сообразить, что еще должна им сообщить, но в голову ничего не приходило. Бровастая заговорила с ней, коснулась ее руки, и Лора вздрогнула.

– А ваша одежда, Лора? Вы можете показать нам, во что были одеты в пятницу вечером?

Подбирая с пола то, что попадалось под руку, Лора протянула им джинсы, которые, может, были на ней в тот день, а может, и нет, швырнула лифчик. Потом отправилась в туалет, оставив детективов в коридоре. Лысый наклонился, чтобы лучше слышать, что ему говорила Бровастая. Задержавшись у двери в туалет, Лора разобрала лишь несколько слов: «гравировка», «странная», «не все дома» и «не так ли».

Сидя в туалете со спущенными к щиколоткам трусиками, Лора грустно улыбнулась самой себе. Ее обзывали и хуже. Не все дома? «Не все дома» было ерундой, «не все дома» было даже комплиментом по сравнению с тем, что ей приходилось слышать в свой адрес на протяжении многих лет: *идiotка, уродина, убожество, тупица, кретинка, психопатка*.

Дэниел Сазерленд назвал ее гребаной психопаткой, когда она набросилась на него и стала отчаянно пинать, бить и царапать. Он схватил ее за предплечья, так что его большие пальцы впились в ее плоть: «Гребаная психопатка... *сумасшедшая сука!*»

Как же быстро все произошло! В один миг она лежала на его кровати и курила сигарету, а уже в следующий оказалась на тропинке с перепачканным кровью лицом и его часами в кармане.

Спускаясь с детективами по лестнице, Лора задавалась вопросом, как она могла сказать им правду. Да, она на самом деле взяла часы из-за злости, но, как ни странно, и из-за надежды

тоже. Ей хотелось наказать его, но при этом иметь повод вернуться, чтобы еще раз с ним увидеться.

Но теперь это уже невозможно.

5

В полицейском участке эксперт – молодая женщина с доброй улыбкой – поскребла под ногтями Лоры, взяла мазок с внутренней стороны щеки, а потом медленно, осторожно расчесала ей волосы. Это оказало на Лору такое умиротворяющее воздействие и так сильно напомнило детство, что на глаза невольно навернулись слезы.

В голове у нее снова зазвучал голос Дейдры. *У тебя нет чувства собственного достоинства – вот в чем твоя проблема, Лора.* Дейдра, худосочная женщина с суровым лицом, в объятиях которой отец Лоры искал утешения после ухода матери, разбившей ему сердце, могла при необходимости перечислить целый ворох проблем Лоры. Но особое значение она придавала ее низкой самооценке, считая это главным недостатком. *Ты недостаточно себя ценишь, Лора. По сути, твоя проблема именно в этом. Если бы ты ценила себя хоть немного больше, то не пошла бы с первым встречным, обратившим на тебя внимание.*

Через несколько дней после того, как Лоре исполнилось тринадцать, она пошла на вечеринку к подруге. Отец поймал ее, когда она тайком пробиралась домой в шесть утра. Он схватил ее за плечи и принялся с силой трясти: «Где тебя носило? Я с ума сходил, думал, что-то случилось! Ты не можешь со мной так поступать, цыпленок. Пожалуйста, никогда больше так не делай!» Он прижал ее к себе, а она, прижавшись головой к его широкой груди, снова почувствовала себя ребенком, снова почувствовала себя нормальной.

«Прости меня, папа, – тихо сказала она. – Мне правда очень жаль».

«Ей ни капельки не жаль, – заявила Дейдра примерно через час, когда они сидели за столом и завтракали. – Посмотри на нее. Просто посмотри на нее, Филип. Совсем как кошка, полакомившаяся сливками».

Лора с вызовом улыбнулась ей и склонилась над тарелкой с хлопьями.

«Ты только посмотри на выражение ее лица, – не успокаивалась Дейдра, скривившись от отвращения. – Разве не похожа? С кем ты была вчера вечером?»

Позже она слышала, как отец и мачеха спорили.

«У нее нет чувства собственного достоинства, – говорила Дейдра. – И в этом ее проблема. Говорю тебе, Фил, что она забеременеет еще до того, как ей стукнет пятнадцать. Ты должен что-то сделать. Должен на нее повлиять».

Голос ее отца звучал умоляюще: «Но это не ее вина, Дейдра, и ты это знаешь. Это не ее вина».

«О, это не ее вина! Верно. Лора никогда ни в чем не виновата!»

Позже, поднявшись наверх в комнату падчерицы, чтобы позвать ее на ужин, Дейдра спросила: «Ты хотя бы предохранялась? Пожалуйста, скажи мне, что ты не настолько глупа, чтобы делать это без презерватива».

Лора лежала на кровати, уставившись в потолок. Не глядя, она взяла с прикроватной тумбочки расческу и швырнула ее в сторону мачехи.

«Отвали, Дейдра!» – огрызнулась она.

«Просто чудесно! Держу пари, что твой поганый язык тоже не твоя вина. – Она повернулась, чтобы уйти, но задержалась: – Ты знаешь, Лора, в чем твоя проблема? Ты недостаточно себя ценишь».

Низкая самооценка действительно была одной из проблем Лоры, но не единственной. У нее имелось множество других, включая гиперсексуальность, неумение себя контролировать, антиобщественное поведение, приступы агрессии, кратковременные провалы памяти и выраженную хромоту.

– Ну вот, – сказала эксперт, закончив. – Теперь все. – Увидев, что Лора плачет, она сжала ей руку. – Все будет хорошо, милая.

– Я хочу позвонить маме, – сказала Лора. – Можно мне позвонить маме?

Мать на ее звонок не ответила.

– А можно мне позвонить еще раз? – спросила Лора.

Сидевшая рядом женщина-полицейский покачала головой, но, увидев ее отчаяние, сжалась и, оглянувшись по сторонам, кивнула:

– Давай, только быстро.

Лора позвонила отцу. После нескольких гудков трубку взяли, и она было обрадовалась, но тут же сникла, услышав голос Дейдры:

– Алло? Алло? Кто это?

Лора повесила трубку и, отвечая на вопросительный взгляд женщины-полицейского, пояснила:

– Ошиблась номером.

Женщина-полицейский отвела Лору в крохотную душную комнату со столом посередине. Там она дала ей стакан воды и сказала, что через минуту кто-нибудь принесет чай, но чай так и не появился. В комнате было жарко и пахло чем-то странным, химическим; кожа у Лоры начала чесаться, а голова от усталости плохо соображала. Положив руки на стол и опустив на них голову, Лора попыталась заснуть, но в ушах зазвучали голоса матери, Дейдры, Дэниела. Она сглотнула и почувствовала во рту привкус металла и гниения.

– Чего мы ждем? – не выдержав, спросила она у сопровождающей. Та наклонила голову и пожала плечами.

– Думаю, дежурного адвоката. Иногда на это требуется время.

Лора подумала о продуктах – замороженной пицце и полуфабрикатах с карри, на которые потратила последнюю десятку. Сейчас они благополучно размораживались у нее на кухне.

Минут через десять, которые показались ей долгими часами, наконец-то появились детективы, но без адвоката.

– Как вы думаете, сколько на это потребуется времени? – поинтересовалась Лора. – Мне завтра целый день работать, а я измоталась вусмерть.

Лысый долго и пристально смотрел на нее, потом вздохнул, будто она его разочаровала.

– Быстро вряд ли получится, Лора, – сказал он. – Дело в том... что все выглядит не лучшим образом, правда? И к тому же у вас уже были похожие прецеденты, не так ли?

– Ни черта подобного! Какие еще прецеденты? О чем вы говорите? Я не разгуливаю, тыкая в людей ножом, я...

– Вы нанесли рану Уоррену Лейси, – вмешалась Бровастая.

– *Вилкой. В руку.* Черт возьми, это совсем не одно и то же, – сказала Лора и засмеялась, потому что, если честно, это действительно было смеху подобно. Это как яблоко и апельсин: при одинаковой форме между ними нет ничего общего. Но вообще-то ей было не до смеха и хотелось плакать.

– Интересно, – произнесла Бровастая, – мне бы очень хотелось знать, Лора, что именно вы находите столь забавным. Потому что большинству людей – я имею в виду, в вашей ситуации, – думаю, что большинству людей все это не показалось бы смешным...

– Мне тоже. Мне тоже не кажется это *забавным*. Я не... – Лора вздохнула в отчаянии. – У меня не всегда получается, – пояснила она, – вести себя адекватно моему эмоциональному состоянию. Мне не кажется это забавным, – повторила она еще раз, но все же не могла сдержать улыбки, и Бровастая зловеще улыбнулась ей в ответ.

Она собиралась добавить что-то еще, но помешало появление долгожданного дежурного адвоката. Им оказался нервный на вид мужчина с серым лицом. От него пахло кофе. Доверия он точно не внушал. Когда все расселись и были представлены друг другу, когда все формальности были соблюдены, Бровастая продолжила:

– Минуту назад мы говорили о том, что вам трудно вести себя адекватно вашему эмоциональному состоянию. Это то, что вы сказали, верно?

Лора кивнула.

– Лора, ведется запись беседы, и вы должны отвечать вслух.

Лора что-то пробормотала, выражая согласие.

– Итак, справедливым ли будет утверждение, что вы не всегда можете себя контролировать? У вас бывают эмоциональные вспышки, которые вы не можете контролировать?

Лора ответила, что такое бывало.

– И это из-за аварии, в которую вы попали в детстве? Это так?

Лора снова ответила утвердительно.

– Не могли бы вы немного рассказать об этой аварии, Лора? – ласково попросила Бровастая, и Лора подложила руки под бедра, чтобы не вlepить ей пощечину. – Не могли бы вы рассказать о том, как эта авария на вас повлияла? Я имею в виду физически.

Лора посмотрела на адвоката с неммым вопросом, желая узнать, обязана ли она отвечать. Но тот, судя по всему, не понял ее взгляда, и она, тяжело вздохнув, принялась монотонно перечислять свои травмы:

– Перелом черепа, перелом таза, сложный перелом дистального отдела бедренной кости. Порезы, синяки. Двенадцать дней в коме. Три месяца в больнице.

– Вы получили черепно-мозговую травму, не так ли, Лора? Не могли бы вы немного рассказать нам об этом?

Лаура надула щеки и закатила глаза.

– А не проще, мать вашу, погуглить все это в Интернете? Господи! Скажите, мы здесь сидим, чтобы поговорить об этом? О том, что случилось со мной в десять лет? Думаю, мне лучше пойти домой, потому что, честно говоря, вы ни хрена не нарыли, не так ли? У вас на меня ничего нет.

Детективы бесстрастно наблюдали за ней – ее взрыв эмоций не произвел на них никакого впечатления.

– Не могли бы вы рассказать о характере вашей травмы головы? – нарочито вежливо попросил Лысый, что взбесило ее еще больше.

Лора снова вздохнула.

– Я получила черепно-мозговую травму. Это временно негативно повлияло на мою способность говорить и на мои воспоминания...

– Вашу память? – уточнила Бровастая.

– Да, мою память.

Бровастая выждала паузу – как показалось Лоре, для большего эффекта.

– У травм подобного рода имеются определенные эмоциональные и поведенческие последствия, не так ли?

Лора сильно закусилa губу.

– Когда я была младше, я не всегда могла справиться с гневом, – сказала она, пристально глядя в глаза Бровастой: пусть попробует назвать ее лгуньей. – У меня была депрессия. И еще расторможенность, а это значит, что иногда я говорю неуместные или обидные вещи, как, например, в тот раз, когда я назвала вас уродиной.

Улыбнувшись, Бровастая пропустила это мимо ушей и продолжила:

– У вас проблемы с контролем импульсного поведения, не так ли, Лора? Вы ничего не можете с собой поделаться, набрасываетесь на людей, пытаетесь причинить им боль. Вы хотите это сказать, не так ли?

– Ну, я...

– Итак, на барже в пятницу вечером, когда мистер Сазерленд отверг вас – когда он стал, как вы выразились, «холодным и грубым», – вы вышли из себя, не так ли? Вы набросились на него, верно? Ранее вы сказали, что ударили его. Вы действительно хотели причинить ему боль?

– Мне хотелось перерезать ему его гребаное горло, – услышала себя Лора. И почувствовала, как вздрогнул сидевший рядом адвокат. Вот оно: она сказала, что полицейские «ни хрена не нарыли», а это было не так, потому что, конечно же, у них была она. У них была Лора. Им не нужно было оружие, не так ли? Им не нужен был дымящийся пистолет. У них имелся подозреваемый, у которого были и мотив, и возможность совершить преступление. Этим подозреваемым являлась Лора, которая, как они рассчитывали, рано или поздно обязательно ляпнет какую-нибудь глупость.

6

Айрин сидела в кресле в гостиной – своем излюбленном месте для чтения – и ждала Лору, которая опаздывала. Кресло, некогда являвшееся частью пары – второе уже давно отправилось на свалку, – было придвинуто к самому окну, через которое солнце в ясный день проникало большую часть утра и даже после полудня. Отсюда Айрин могла наблюдать за тем, что происходит в мире, а мир, в свою очередь, мог наблюдать за ней, оправдывая свои представления о пожилых людях: они должны сидеть в одиночестве в кресле, размышлять о прошлом, о былой славе, упущенных возможностях и о том, как все было раньше. О тех, кого уже нет в живых.

Но Айрин этим не занималась вообще. Во всяком случае, не занималась все время. Она в основном ждала, когда придет Лора с продуктами, которые покупала ей каждую неделю, а сейчас разбирала одну из трех коробок с пахнущими плесенью книгами, полученными от Карлы Майерсон. Книги принадлежали покойной Анджеле, сестре Карлы и соседке Айрин, бывшей ее самой близкой подругой.

– Там нет ничего ценного, – сказала Карла Айрин, когда привезла их на прошлой неделе. – Одни дешевые издания в бумажных обложках. Я собиралась отнести их в благотворительный магазин, но потом подумала... – Окинув быстрым взглядом гостиную Айрин, она чуть поморщилась и сказала: – Я подумала, что они, возможно, в вашем вкусе.

Айрин решила, что это походило на завуалированное оскорбление. Не то чтобы это ее задевало. Карла была из тех женщин, которые знают цену всему и ничего не ценят. Нет ничего ценного? Этим она просто показала, что представляет собой сама.

Это правда, что, когда Айрин открывала некоторые из самых старых изданий с некогда ярко-оранжевыми, а теперь поблекшими и потрепанными обложками, страницы под ее пальцами начинали расползаться. Подобно медленному огню, окисление бумаги разъедает страницы и разрушает их изнутри, делая хрупкими и ломкими. Если подумать, ужасно обидно, что все эти слова, все эти сюжеты медленно уходят в небытие. Такие книги ей в любом случае придется выбросить. Но что касается остальных, то они действительно были в ее вкусе, и многие из них она уже прочитала. Они с Анджелой постоянно обменивались книгами, у них было общее пристрастие к хорошим криминальным романам (не кровавым, а умным, вроде Барбары Вайн или Ф.Д. Джеймс) и беллетристике, от которой такие, как Карла Майерсон, конечно же, воротили нос.

То, что Айрин прочитала большинство из них, было совершенно неважным. А вот важным являлось то, что при обращении с книгами Анджела вела себя как настоящий вандал, о чем Карла, судя по всему, не имела понятия, хотя речь шла о ее *родной сестре*. Анджела повреждала корешки книг, загибала уголки страниц, делала заметки на полях. Если полистать принадлежавшую Анджеле Сазерленд книгу «Призрак дома на холме», можно было увидеть подчеркнутые строки (*бедную девушку ненавидели до смерти; она, кстати, повесилась*). А переворачивая страницы зачитанной Анджелой до дыр копии «Пятьдесят оттенков темноты», нетрудно было заметить, как хорошо она понимала чувства Веры к сестре. *В самую точку!* – нацарапала она на полях напротив строки, где говорилось: *Ничто не убивает так, как презрение, и презрение к ней захлестнуло меня горячей волной*. Время от времени можно было даже наткнуться на какую-нибудь вещьцу из прошлого Анджелы, например, закладку, или билет на поезд, или клочок бумаги со списком покупок: *сигареты, молоко, макароны*. В книге Кормака Маккарти «Старикам тут не место» обнаружилась открытка, купленная в лондонском музее Виктории и Альберта с фотографией дома, обнесенного белым частоколом. В книге «В лесной чаще» оказался рисунок: двое детей стоят в саду, держась за руки. В «Цементном саду» Айрин нашла сине-белую поздравительную открытку с изображением лодки. Открытка была мятой и

от частого держания в руках истончилась. На ней было написано: *Дорогому Дэниелу с любовью в десятый день рождения. Целую, тетя Карла.*

В этих книгах нет ничего ценного? Зато они показывали, как плохо Карла знала свою сестру. Дело в том, что, читая книгу, которая ранее принадлежала Анджеле Сазерленд, вы словно с ней общались. А поскольку Айрин, к своему большому сожалению, поговорить с Анджелой больше не могла, то для нее это было очень важно. Это было *бесценно*.

Если бы не мучительное беспокойство о Лоре, Айрин была бы вполне довольна жизнью, нежась, как ящерица, в солнечном утреннем свете, перебирая книги и наблюдая за офисными служащими и мамами с детьми, которые спешили по своим делам. Скромное жилище Айрин, состоявшее из двух комнат внизу и двух спален на втором этаже, находилось на Хейвордс-плейс – узком пешеходном переулке в самом центре города, соединявшем две большие улицы. Одну сторону Хейвордс-плейс занимали пять одинаковых маленьких двухэтажных домиков (дом Айрин был вторым), а на другой когда-то располагался театр «Ред Булл» (который сгорел, а может, и нет, во время Великого лондонского пожара, и на его месте теперь стояло безликое офисное здание). Переулок Хейвордс-плейс позволял быстро перейти с одной большой улицы на другую и был оживленным в любое время суток. Во всяком случае по будням.

Так *куда же* запропастилась Лора? Ведь они договорились встретиться во вторник. Обычно она приходила по вторникам, потому что в этот день позже начинала работу в прачечной. Ведь сегодня вторник? Айрин считала, что да, но теперь начала сомневаться. Осторожно поднявшись с кресла – недавний вывих лодыжки послужил одной из причин, по которой ей понадобилась помощь с покупками, – и с трудом обойдя разложенные на полу стопки книг, прочитанных и непрочитанных, оставленных себе и отложенных для благотворительного магазина, она проковыляла через скромно обставленную гостиную. Из мебели в ней был стул, небольшой диванчик, комод со старым маленьким телевизором, который она смотрела крайне редко, и книжный шкаф, на котором стоял радиоприемник. Айрин включила радио.

В десятичасовых новостях диктор подтвердил, что сегодня действительно был вторник, а точнее – вторник, тринадцатое марта. Диктор рассказал, что премьер-министр Тереза Мэй дала российскому премьеру время до полуночи, чтобы объяснить, как в Солсбери был отравлен бывший шпион; что депутат от лейбористской партии отрицает, будто шлепал по ягодицам женщину-избирателя. И еще в новостях сообщили, что в связи с убийством двадцатитрехлетнего Дэниела Сазерленда, найденного в воскресенье мертвым в своем плавучем доме на Риджентс-канал, допросили молодую женщину. Диктор продолжал говорить, но Айрин уже ничего не слышала: от резкого прилива крови уши у нее заложило.

Ей показалось. *Наверняка*. Дэниел Сазерленд? Этого не может быть! Дрожащей рукой Айрин выключила радио, потом снова включила, но в новостях уже рассказывали о погоде и приближающемся холодном фронте.

Может, это какой-то другой Дэниел Сазерленд? Сколько их всего на свете, Дэниелов Сазерлендов? В то утро она не покупала газету – она их вообще покупала редко, – поэтому не могла проверить. Айрин слышала, что в мобильном телефоне можно найти что угодно, но не совсем понимала, как это сделать, да и к тому же не могла вспомнить, где в последний раз видела свой телефон. Скорее всего, где-нибудь наверху. Батарея, наверное, приказала долго жить, как вымершая птица дронг.

Нет, ей просто надо действовать по старинке, для чего придется сходить в киоск за газетой. В любом случае, если Лора так и не придет, нужно купить молоко и хлеб. В коридоре Айрин натянула пальто, взяла сумку и ключ от дома и уже собиралась открыть входную дверь, как заметила, что на ней домашние тапочки, и вернулась в гостиную переобуться.

Она стала забывчивой, в этом все дело. Забавно, однако, как теперь она начинала нервничать, выходя на улицу. А ведь раньше все время проводила вне дома: делала покупки, ходила в библиотеку, работала волонтером в магазине Красного Креста на оживленной улице. Однако

как же быстро теряются привычные навыки, если человек в силу обстоятельств вынужден подолгу оставаться в четырех стенах. С этим надо что-то делать. Ей не хотелось оказаться в числе *тех* стариков, что боятся выйти из дома.

Если честно, Айрин вовсе не горела желанием идти в супермаркет, вечно заполненный толпой нетерпеливых, бестолковых и беспечных молодых людей. Не то чтобы ей не нравилась молодежь. К тому же она не желала становиться похожей на брюзжащих, нелюдимых и самодовольных пожилых людей в бежевых сандалиях, распродажа которых рекламировалась на последних страницах воскресных приложений. На Айрин были сине-оранжевые кроссовки «Нью бэланс» с ремешком на липучке. Она получила их в подарок на Рождество от Анджелы. Айрин ничего не имела против молодости, она и сама когда-то была молодой. Только молодые люди нередко исходят из ложных представлений, разве не так? Во всяком случае, *некоторые* из них. Они считают вас глухими, слепыми и слабыми. Что-то из этого могло соответствовать действительности, а что-то нет (у Айрин, например, был слух, как у летучей мыши. Она от этого даже страдала, поскольку стены были очень тонкими и ей было слышно все, что происходит вокруг). Как бы то ни было, подобные *представления* ее очень раздражали.

Вернувшись домой из магазина, она просмотрела газету, но о Дэниеле Сазерленде в ней ничего не говорилось (мало того, она сообразила, что забыла купить мармелад для тостов, так что ее выход в свет оказался крайне неудачным). Ей все-таки удалось найти свой телефон (в ванной), но аккумулятор (как она и предполагала) действительно разрядился, а вспомнить, куда она положила зарядное устройство, Айрин так и не смогла.

Это *бесило*.

Но из ума она не выжила. И это не было слабоумием. Хотя именно так принято считать, если старые люди начинают что-то забывать. Как будто молодые всегда все помнят, никогда не ищут, куда положили ключи, и не забывают что-то купить из своего списка продуктов. Айрин была уверена, что слабоумием она не страдает. В конце концов, она же не говорила «тостер», имея в виду «скатерть», и не забывала дорогу домой, возвращаясь из супермаркета. Она не теряла (обычно) нить разговора и не убирала пульт в холодильник.

Определенные проблемы у Айрин, конечно, имелись. Но доктор заверил ее, что это *точно* не слабоумие. Просто если она переутомлялась, пила мало воды или не ела вовремя, то чувствовала упадок сил, не могла сосредоточиться, уставала и терялась.

– Ваши ресурсы истощены, миссис Барнс, – сказал ей доктор, когда это случилось в последний раз. – Причем истощены *очень сильно*. Вы должны больше беречь себя, хорошо питаться и избегать обезвоживания. Если вы не будете это делать, то, безусловно, начнете путаться и почувствуете головокружение! И снова можете упасть. А это нам не нужно, правда?

Как объяснить этому милому (пусть даже и немного высокомерному) молодому человеку с его мягким голосом и водянистыми голубыми глазами, что иногда ей *хочется* оказаться в замешательстве? Как, черт возьми, ему объяснить, что это пугающее чувство тем не менее может быть *захватывающим*? Что иногда она нарочно пропускает приемы пищи в надежде, что снова почувствует нечто вроде грусти из-за отсутствия близкого человека, который обязательно вернется, если только его терпеливо ждать?

Потому что в такие моменты Айрин забывала, что Уильяма, которого она любила и с кем делила постель более сорока лет, уже не было в живых. Могла не помнить, что он скончался шесть лет назад, и ей казалось, будто он только что ушел на работу или навстречу с приятелем в пабе. И уже очень скоро на улице послышится его знакомый свист, а она одернет платье, причешется и через минуту, буквально через минуту услышит, как в двери поворачивается его ключ.

Когда Айрин впервые встретилась с Лорой, она как раз ждала Уильяма. Это случилось в тот день, когда нашли тело Анджелы.

Было ужасно холодно. Айрин нервничала, потому что проснулась, а Уильяма не было и она не могла понять, куда он запропастился. Почему не вернулся домой? Она спустилась вниз, надела халат, вышла на улицу, и ох как там было *холодно*, а его нигде не было видно. Никого. Куда все подевались? Решив вернуться домой, Айрин повернулась к двери и увидела, что та захлопнулась. Ничего страшного в этом не было, потому что она больше не выходила без ключа в кармане – она уже не совершит подобной ошибки после того, как в прошлый раз... Но потом – и это было смешно – она никак не могла вставить ключ в замочную скважину. Руки от холода окоченели, и Айрин не удавалось попасть ключом в замок – он все время выскальзывал из рук и падал на землю. Это было так глупо, что она расплакалась. Холод пробирал до костей, рядом никого не было, и она понятия не имела, где находится Уильям. Она закричала, но никто не отозвался, и тогда она вспомнила об Энджи! Анджела жила рядом и наверняка была дома. И если тихонько постучать, то мальчик наверняка не проснется.

Так она и сделала. Открыв соседнюю калитку, Айрин тихонько постучала во входную дверь и позвала:

– Анджела! Это я, Айрин. Я не могу попасть домой. Не могу открыть дверь. Ты можешь мне помочь?

Ответа не последовало, и она снова постучала, но никто так и не отозвался. Она попыталась нащупать свой ключ, но пальцы так болели! Из рта вырывались клубы пара, ноги онемели, а еще, поворачиваясь, она больно ударилась бедром о калитку. По щекам ручьем текли слезы.

– С вами все в порядке? Господи, что я спрашиваю, конечно, нет! Вот так, потихоньку, все будет хорошо, давайте я вам помогу.

Это была девушка. Незнакомая девушка в странной одежде – брюках с цветочным рисунком и объемной куртке серебристого цвета. Она была маленькой и худенькой, со светлыми волосами и россыпью веснушек на переносице. Глаза огромные и голубые, а зрачки походили на черные дыры.

– Ни хрена себе, да вы заледенели... – Взяв руки Айрин в свои, она нежно их погладила. – Боже, да вы вся дрожите от холода. Вы здесь живете? Захлопнулась дверь?

Айрин почувствовала, что от девушки пахнет спиртным, хоть она и не выглядела достаточно взрослой, чтобы принимать алкоголь. Но в наши дни разве можно быть в чем-то уверенной?

– Есть кто-нибудь дома? Эй! – крикнула девушка, пройдя по тропинке и барабаня в дверь Анджелы. – Эй! Откройте!

– Только не так громко, – попросила Айрин. – Уже поздно, и я бы не хотела разбудить маленького мальчика.

Девушка посмотрела на нее с удивлением.

– Сейчас половина седьмого утра, – сказала она. – Если там есть дети, то они уже должны проснуться.

– Ой... *нет!* – испугалась Айрин. Этого не может быть! Полседьмого утра! Это значит, что Уильям вообще не приходил домой и его не было всю ночь. – Ой! – повторила она, прикрывая заледеневшими пальцами рот. – Где он? Где Уильям?

Девушка опешила.

– Извините, милая, я не знаю, – ответила она и, вынув из кармана скомканный платок, вытерла Айрин щеки. – Мы все выясним, хорошо? Обязательно. Но сначала вам надо попасть в дом. Вы же промерзли до костей!

Девушка отпустила руки Айрин, повернулась к входной двери Анджелы и сильно ударила по ней кулаком, затем присела, подобрала с земли камешек и бросила его в окно.

– О господи! – вскрикнула Айрин.

Девушка не обратила на нее внимания. Опустившись у двери на колени, она приподняла пальцем створку на прорези для почты и заглянула внутрь.

– Господи! – вдруг неожиданно вскрикнула она, резко отшатнулась и, не удержавшись, тяжело плюхнулась на каменные плиты тропинки. – Твою мать! – воскликнула она, не сводя с Айрин расширившихся глаз. – Господи боже! Это ваш дом? Сколько... *Господи!* Это кто? – С трудом поднявшись на ноги, она снова схватила Айрин за руки, на этот раз грубо. – *Кто это там?*

– Это не мой дом, это дом Анджелы, – объяснила Айрин, немало озадаченная странным поведением девушки.

– А где живете вы?

– Нетрудно догадаться, что я живу в соседнем доме, – ответила Айрин и протянула ей ключ.

– Как, черт возьми, это может быть понятно? – огрызнулась девушка, но ключ взяла, обняла Айрин за плечо и повела к дому. Дверь она открыла с первой попытки. – Пойдемте, вы проходите, а я сейчас принесу вам чашку чая. Укутайтесь в одеяло или что-нибудь еще, хорошо? Вам нужно согреться.

Айрин прошла в гостиную, устроилась в своем обычном кресле и стала ждать, когда девушка принесет ей обещанную чашку чая, но не дождалась. Вместо этого она услышала, как в прихожей девушка звонила с ее телефона.

– Вы звоните Уильяму? – спросила ее Айрин.

– Я звоню в полицию, – ответила та.

Айрин слышала, как девушка говорила:

– Да, там кто-то есть, – и потом добавила: – Нет-нет, никаких шансов, сто процентов. И к тому же запах.

Потом она убежала. Но не сразу – сначала принесла Айрин чашку чая с двумя кусочками сахара, затем опустилась на колени у ее ног, взяла ее руки в свои и велела сидеть, пока не приедет полиция.

– Когда они появятся, направьте их в тот дом, хорошо? А потом они помогут вам найти Уильяма. Просто... больше не выходите на улицу, ладно? Обещаете? – Она вскочила на ноги. – Мне нужно идти, извините, но я вернусь. – Она снова присела на корточки. – Меня зовут Лора. Я приду к вам, только позже. Договорились? А вы будьте паинькой, хорошо?

К тому времени, когда прибыла полиция – две молодые женщины в форме, – Айрин забыла имя девушки. Похоже, это не имело большого значения, потому что полицию интересовала не она, а только то, что происходило в соседнем доме. Айрин наблюдала с порога, как они присели на корточки, заглянули в прорезь для почты, как это делала девушка, а затем точно так же отшатнулись. Сообщив что-то по рации, они проводили Айрин обратно в гостиную, а потом одна из них поставила чайник и принесла сверху одеяло. Вскоре появился молодой человек в яркой куртке. Он измерил ей температуру и осторожно пощипал кожу, задавая при этом множество вопросов, например, когда она в последний раз ела, какой сегодня день и кто сейчас премьер-министр.

Ответ на последний вопрос Айрин знала.

– О, эта несносная Мэй, – презрительно отозвалась она. – Мне она не нравится. Вам ведь тоже, верно?

Мужчина улыбнулся и отрицательно покачал головой.

– Я так и думала, раз вы из Индии.

– Я из Уокинга, – поправил ее молодой человек.

– А, понятно, – Айрин не знала, что на это сказать. Она чувствовала себя немного взволнованной и никак не могла собраться с мыслями.

Да и молодой человек оказался не просто привлекательным, а очень красивым – с темными глазами, необыкновенно длинными ресницами и хорошей улыбкой, а руки у него были такие мягкие и нежные, что она почувствовала, как краснеет, стоило ему прикоснуться к ее запястью. Он был очень обходительным, даже мягко попенял ей на то, что она о себе не заботится, сказал, что она сильно обезвожена и ей нужно пить много воды с электролитами, на чем настаивал и врач, у которого Айрин наблюдалась.

Красивый мужчина ушел, и Айрин послушно съела тост с небольшим количеством меда и выпила два больших стакана воды без электролитов, потому что нужной у нее не было. Она уже начала приходить в себя, как вдруг услышала снаружи жуткий грохот и с бешено колотящимся сердцем поспешила к окну гостиной. На улице полицейские в форме пытались проникнуть в дом Анджелы, взламывая дверь металлическим тараном.

– О боже! – произнесла Айрин вслух, подумав, как будет недовольна Анджела, что, конечно, было глупостью.

Почему-то до нее никак не доходило, что Анджелу уже никогда больше ничто не огорчит. Она поняла это, только когда другая женщина-полицейский, уже не в форме, подошла к ней и, усадив, объяснила, что Анджела умерла, упав с лестницы и сломав себе шею.

Узнав от нее, что Анджела, возможно, пролежала там несколько дней и даже целую *неделю*, Айрин почувствовала, как ее щеки заливают краска жгучего стыда. Бедная Анджела лежала в одиночестве за стеной, а она, Айрин, в это время устраивала себе очередной уход от реальности и даже о ней не вспомнила.

– Она не кричала, – сказала Айрин, когда наконец к ней вернулся дар речи. – Я бы услышала. Эти стены тонкие, как бумага.

Женщина-полицейский была добра и сообщила Айрин, что от падения Анджела умерла, скорее всего мгновенно.

– Но вы же, конечно, *можете* определить, когда она умерла?

Читая детективы, Айрин имела некоторое представление о криминалистике. Однако женщина объяснила, что тело Анджелы лежало прямо напротив батареи в нижней части лестницы, а отопление было включено на полную мощность, поэтому установить время ее смерти с точностью не представлялось возможным.

Вообще-то никто никогда не узнает, что там случилось на самом деле. По мнению полиции, то был несчастный случай, и Айрин это приняла, хотя все же это казалось ей неправильным, а выводы полиции слишком поспешными. В жизни Анджелы было немало конфликтов: она ссорилась с сестрой, ссорилась с сыном – Айрин даже казалось, что те вообще появлялись лишь для того, чтобы высказать ей свое недовольство, а Анджела потом из-за переживаний прикладывалась к бутылке. Айрин рассказала полицейским о ссорах из-за денег, из-за Дэниела, но тех, похоже, это не заинтересовало. Анджела была алкоголичкой. Она слишком много выпила, упала и сломала себе шею.

– Такое случается чаще, чем вы думаете, – сказала добрая женщина-полицейский. – Но, если вы вспомните что-нибудь еще, что может иметь отношение к делу, – добавила она, передавая Айрин карточку с номером телефона, – пожалуйста, позвоните мне.

– Я видела ее с мужчиной, – вдруг сказала Айрин, когда женщина-полицейский уже уходила.

– Так... – осторожно отреагировала та. – А когда это было?

Айрин не могла сказать. Просто не могла вспомнить. В голове было пусто. Вернее, не пусто, а как-то *туманно*. Всплывали какие-то воспоминания, причем наверняка важные, но все они были расплывчатыми, и Айрин никак не могла ни на чем сконцентрироваться.

– Может быть, пару недель назад? – с надеждой произнесла она.

Женщина-полицейский поджала губы.

– Хорошо. Вы можете вспомнить что-нибудь еще об этом человеке? Не могли бы вы описать его или...

– Они разговаривали там, на улице, – сказала Айрин. – И что-то пошло не так. Анджела плакала.

– Она плакала?

– Да. Хотя... – Айрин замялась, не желая проявлять неуважение к Анджеле, но и скрывать правду тоже. – Стоит ей немного перебрать со спиртным, как она становится плаксивой, впадает... в уныние.

– Понятно, – с улыбкой кивнула собеседница, собираясь уходить. – А вы не помните, как выглядел этот мужчина? Высокий, невысокий, толстый, худой?...

Айрин покачала головой.

– Он был... *самым обычным*. И у него была собака! – вдруг вспомнила она. – Небольшая. Черная с подпалинами. Может, эрдельтерьер? Нет, эрдельтерьеры большие, верно? Может, фокстерьер?

Это было восемь недель назад. Сначала умерла Анджела, а теперь и ее сын. Айрин понятия не имела, наводила ли полиция справки о мужчине, которого она видела на улице с Анджелой. Но даже если и наводила, то это ни к чему не привело, поскольку причиной ее смерти официально назвали несчастный случай. Несчастные случаи нередки, особенно с пьяными. Но чтобы мать и сын расстались с жизнью с разницей в восемь недель?

В художественной литературе такой сюжет точно бы не прошел.

7

Окно в спальне Тео выходило на небольшой сад, за оградой которого виднелся канал. В такой весенний день повсюду царствовала зелень самых разнообразных оттенков: яркая поросль на земле и дубах, оливкового цвета листва на плакучих ивах вдоль тропинки, салатная ряска на воде. Карла сидела на подоконнике, подтянув колени к подбородку и завернувшись в просторный халат Тео, украденный ими из отеля «Бель-Рив» в Жуан-ле-Пен целую вечность назад. Прошло почти шесть лет с тех пор, как она уехала из этого дома, и все же ей больше нигде не было так уютно, как здесь. Ни в куда более роскошном особняке на Лонсдейл-сквер, где она выросла, ни в ее нынешнем скромном домишке в конце улицы. Она чувствовала себя как дома только здесь, у Тео.

Тео лежал в постели, откинув одеяло, читал новости в смартфоне и курил.

– Я думала, ты собирался меньше курить, – сказала Карла, взглянув на него, и слегка прикусила нижнюю губу.

– Так и есть, – ответил он, не поднимая взгляда. – Теперь я курю только после секса, еды и когда пью кофе. Таким образом, это максимум пять сигарет в день, при условии, что у меня будет секс, а это, к сожалению, вовсе не гарантировано.

Карла невольно улыбнулась.

– Тебе нужно начать заботиться о себе, – сказала она. – Я серьезно.

Он посмотрел на нее с ленивой ухмылкой и провел рукой по торсу сверху вниз.

– Что, по-твоему, я не в форме?

Карла закатила глаза.

– Ты точно не в форме, – заявила она, выпячивая подбородок и указывая на его живот. – И мое мнение здесь ни при чем. Тебе следует завести собаку, Тео. С собакой у тебя будет гораздо больше физической нагрузки, она заставит тебя выходить из дома, ты и сам это знаешь, а так ты просто сидишь без дела, ешь, куришь и слушаешь музыку...

Тео опустил взгляд на экран мобильного.

– Диксон может вернуться, – тихо произнес он.

– Тео, – Карла слезла с подоконника и снова забралась на кровать. Когда она опустилась перед ним на колени, халат распахнулся. – Он пропал шесть недель назад. Мне очень жаль, но бедняга не вернется домой.

Тео печально посмотрел на нее.

– Ты не можешь это знать, – сказал он и, потянувшись к ней, нежно обнял за талию.

На улице было тепло, и они завтракали во внутреннем дворике. Кофе и тосты. Тео выкурил еще одну сигарету и пожаловался на редактора.

– Он типичная посредственность. К тому же лет шестнадцати. Не имеет никакого представления о мире. Хочет, чтобы я убрал всю политику, которая, если задуматься, является сердцевинной романа. Нет-нет, «сердцевина» неправильное слово. Политика определяет первооснову. Она *и есть* первооснова. А он хочет ее уничтожить. Разрушить и утопить в пучине сентиментальности! Я тебе говорил? Он думает, что Шивон нужен роман, чтобы сделать ее более человечной. Но она человечна! Она сумела реализовать себя больше любого из созданных мной персонажей...

Откинувшись на спинку стула, Карла сидела с закрытыми глазами, положив босые ноги на стул перед собой, и слушала его вполуха. Она уже слышала эти жалобы раньше. И давно поняла, что высказывать свою точку зрения не имеет особого смысла, поскольку в конце концов он все равно сделает так, как сочтет нужным. Наконец он замолчал, и они сидели в тишине, прислушиваясь к звукам вокруг: крикам детей на улице, треньканью велосипедных звонков

на тропе, кряканью уток. На столе зажужжал мобильник Карлы. Она взяла его, посмотрела и, вздохнув, положила на место.

Тео приподнял бровь:

– Назойливый поклонник?

Она покачала головой.

– Полиция.

Тео внимательно посмотрел на нее.

– Ты не отвечаешь на их звонки?

– Отвечу. Но позже. – Она закусила губу. – Отвечу, просто я... Я не хочу снова говорить об этом, видеть все это. Представлять, как это было.

Тео накрыл ее руку своей.

– Все хорошо. Тебе не нужно с ними разговаривать, если не хочешь...

Карла улыбнулась:

– Думаю, что все-таки нужно.

Она убрала ноги со стула и сунула в слишком большие тапочки, которые позаимствовала у Тео. Наклонившись вперед, налила себе полчашки кофе, сделала глоток и поняла, что он остыл. Тогда она встала и начала убирать со стола. Поставив серебряный кофейник и кружки на поднос, направилась по каменным ступеням на кухню. А мгновение спустя снова появилась – с большой старой сумкой с надписью «Донт букс»¹, перекинутой через плечо.

– Пойду переоденусь, – сказала Карла. – Мне нужно сходить в Хейвордс-плейс. – Она наклонилась и быстро поцеловала его в губы.

– Ты там еще не закончила? – спросил он, беря ее за запястье и заглядывая в лицо.

– Почти, – ответила она, прикрыв веки, и отвернулась от него, высвобождаясь. – Я почти закончила. Так ты слушаешь редактора? – крикнула она через плечо, направляясь в дом. – И очеловечить Шивон? Думаю, если ты не хочешь подарить ей любовника, то всегда можешь подарить собаку. Какого-нибудь маленького стаффордширского бультерьера, или пусть подберет дворнягу. – Тео засмеялся. – Но он прав, разве нет? Ты должен дать своему персонажу нечто, к чему он будет испытывать привязанность.

– У нее хватает привязанностей. У нее есть работа, ее искусство...

– Но этого недостаточно, разве не так? Если у женщины нет мужчины, ребенка или щенка, то она холодна. Холодна и трагична, в некотором роде даже неадекватна...

– Но ты же не такая, – возразил Тео.

Стоя в дверях кухни, Карла повернулась к нему с грустной улыбкой на губах.

– Ты так не считаешь, Тео? Ты не считаешь, что моя жизнь трагична?

Он встал, пересек лужайку, поднялся к ней по ступенькам и взял ее руки в свои.

– Просто я не думаю, что в твоей жизни больше нет ничего другого.

Через три года после их свадьбы Тео опубликовал трагикомедию, действие которой происходит в сицилийском городке во время Второй мировой войны. Книгу номинировали на премию (правда, он так ее и не получил), и она стала мировым бестселлером. Затем по ней сняли фильм, и деньги полились к Тео рекой.

В то время Карла задавалась вопросом, не означает ли эта книга конец их брака. Тео все время отсутствовал, постоянно разъезжал, посещая фестивали, где его окружали симпатичные молодые журналистки, продвигал дебютные творения амбициозных начинающих писательниц двадцати с небольшим лет, общался на вечеринках с невероятно гламурными голливудскими директорами по развитию. Карла в то время работала в Сити менеджером по продажам. На званых обедах интерес к ней пропадал, стоило ей сказать, чем она занимается; на коктейльных

¹ Сеть книжных магазинов в Лондоне. – Примеч. ред.

вечеринках собеседники начинали озираться по сторонам в поисках более интересного общества. Но, как оказалось, она зря боялась, что Тео уведут. Он быстро устал от разъездов и изматывающего энтузиазма ярких молодых дарований. Все, чего он действительно хотел, так это оставаться с ней дома и писать: он планировал приквел к своему успешному роману, в котором собирался рассказать о жизни матери своего главного героя в годы Первой мировой войны. После того как Карла забеременела, куда-то уезжать ему уже не хотелось, а после рождения ребенка – тем более.

Тео дважды не уложился в установленные издательством сроки и собирался нарушить их в третий раз, когда сразу после третьего дня рождения их сына Карла объявила, что ей нужно поехать в Бирмингем на конференцию по продажам. Она только недавно вернулась к работе, и, по ее словам, совершать подобные поездки было крайне важно, чтобы не оказаться на обочине и не превратиться в заурядную «мамочку».

– Может, мне поехать с тобой? – предложил Тео. – И мы могли бы вместе провести выходные – ты, я и Бен.

Карле стало немного не по себе: она уже представляла, как окажется в одиночестве, сможет спокойно принять ванну, сделать маску для лица и приготовить себе в высоком стакане коктейль из того, что найдется в мини-баре.

– Это было бы чудесно, – осторожно сказала она, – только я не уверена, как это будет воспринято. Ну, что я приехала с мужем и малышом. О, не смотри так, Тео! Ты *понятия не имеешь*, что это такое. Если ты явишься на работу с Беном, тебе вручат медаль «Отец года». А если это сделаю я, то скажут, что я не справляюсь, что думаю не о работе и что на большее, чем сейчас, в принципе не способна.

Но вместо того, чтобы просто согласиться – *ладно, дорогая, тогда я останусь с Беном в Лондоне, а ты поезжай*, – Тео предложил оставить Бена с родителями.

– В Нортумберленде? Но как мне отвезти его в Алнмут до пятницы?

– Думаю, что они могли бы приехать сами и забрать его. Им бы это понравилось, Си, ты же знаешь, как мама его обожает...

– О, ради бога! Если ты действительно хочешь поехать со мной, то ему придется отправиться к моей сестре. И не делай такое лицо, Энджи тоже его обожает, живет в пяти минутах ходьбы от нас, а на что-то другое у меня сейчас нет времени.

– Но...

– Пусть в этот раз он побудет с Энджи, а в следующий может поехать к твоей маме.

Только следующего раза не было.

В воскресенье утром в их гостиничном номере раздался звонок. Они собирались в Лондон и укладывали вещи, споря, каким маршрутом лучше ехать. Позвонивший попросил их спуститься к стойке регистрации, затем, казалось, передумал, поговорил с кем-то еще, а потом сказал, что им лучше подождать в номере и сейчас к ним придут.

– Это что вообще такое? – спросила Карла, но ответа не получила.

– Бьюсь об заклад, что какой-то ублюдок вскрыл машину, – предположил Тео.

Вошли двое полицейских, мужчина и женщина. Они сообщили, что в доме сестры Карлы произошел несчастный случай. Бен упал с балкона второго этажа на ступеньки в саду.

– Но она никогда не открывает дверь в кабинете, – не понимая, что происходит, возразила Карла. – Перила на балконе сломаны, поэтому дверь всегда закрыта.

Однако дверь оказалась не заперта, и маленький Бен выбрался наружу, проскользнул через перила и упал на каменные ступени в двадцати футах под ним. Его нашел восьмилетний двоюродный брат, который играл в саду, и сразу же вызвал «Скорую».

– С ним все будет в порядке? С ним все будет в порядке?

Карла повторяла этот вопрос как заведенная, но Тео уже упал на колени и по-звериному завыл. У женщины-полицейского в глазах стояли слезы и дрожали руки. Покачивая головой, она сказала, что ей очень жаль, что «Скорая» прибыла в считанные минуты, но ничего уже сделать было нельзя.

– Но с ним все будет в порядке? – снова спросила Карла.

Мать Карлы и Анджелы умерла от рака груди, так и не успев состариться, а их отец остался жить в приходившем в упадок трехэтажном семейном особняке на Лонсдейл-сквер, хотя сразу было понятно, что для него это не лучший вариант. Подъем из кабинета на втором этаже в спальню на третьем занимал все больше времени, становился все более опасным. Сад пришел в запустение и зарос, водостоки были забиты, крыша протекала, оконные рамы начали гнить. А кованые перила маленького итальянского балкона, на который можно было выйти из кабинета, полностью проржавели.

Отец переехал в дом престарелых за шесть месяцев до своей смерти, и, поскольку Карла к этому времени уже жила с Тео, в особняке поселилась Анджела. У нее были грандиозные планы по приведению его в порядок, на что могли уйти долгие годы кропотливой работы, – она даже разработала эскизы фресок, которыми планировала украсить коридоры и потолок над лестницей. Но сначала требовалось провести основные ремонтные работы, и первым делом – починить крышу. На это ушли все свободные деньги, поэтому все остальное пришлось отложить до лучших времен.

О ржавых перилах даже не вспоминали, пока не родился Дэниел. Когда он немного подрос и начал ползать, Анджела заперла дверь кабинета и никогда ее не открывала. Дверь постоянно была заперта. Все время без исключения.

– Где была Анджела? – Карла и Тео сидели на заднем сиденье полицейской машины; никто из них не был в состоянии вести машину. – Где она была? – Карла говорила почти шепотом, а ее глаза были плотно зажмурены. – Я просто... я не понимаю. Где была Анджела?

– Она находилась в своей спальне, – ответила женщина-полицейский. – Наверху.

– Но... почему «Скорую» пришлось вызывать Дэниелу? Чем была занята моя сестра?

– Судя по всему, когда произошел несчастный случай, она спала, – пояснила женщина-полицейский.

– Она не спала, – произнес Тео, – она *отсыталась с похмелья*. Разве не понятно?

– Мы не можем этого знать, – заметила Карла, накрывая его руку своей.

Он резко выдернул руку, будто обжегся.

– Неужели?

Полицейские сразу отвезли их в больницу Уиттингтона. Там их встретила сотрудница по связям с семьями, которая пыталась убедить их не смотреть на тело сына.

– Будет намного лучше, – сказала она, – если вы запомните вашего маленького мальчика в самые счастливые моменты его жизни. Как он бегал или катался на велосипеде...

Но они ее не послушались. Ни он, ни она не могли не увидеть его в последний раз, и просить об этом было глупо.

В холодной, ярко освещенной комнате Тео и Карла провели больше часа, передавая сына друг другу. Они целовали его пухлые пальчики и ступни. Согревали его холодную плоть руками и слезами. После этого полицейские отвезли их домой, на Ноэль-роуд, где ждали родители Тео.

– Где она? – были первые слова Тео, обращенные к матери.

Мать кивнула в сторону лестницы.

– Там, наверху, – сдавленно ответила она. Ее окаменевшее от горя лицо походило на маску. – В комнате для гостей.

– Тео, – сказала Карла, – прошу тебя.

Вскоре она услышала его крик:

– Ну что, сука, проспалась? Ты была с похмелья? Ты оставила его, оставила одного, оставила дверь открытой, ты оставила его. Ты оставила его! Ты оставила его!

Анджела рыдала и, опустившись на колени, билась в истерике, но Тео не сдавался.

– Вон из моего дома! И никогда сюда не приходи! Я больше не хочу тебя видеть!

Карла услышала, как Дэниел тоже закричал:

– Оставь ее! Дядя Тео! Пожалуйста! Оставь ее!

Они спустились вниз, Анджела и Дэниел, держась за руки. Анджела хотела обнять сестру, но Карла ей не позволила; она отвернулась, сгорбилась и присела, сжавшись, как животное, защищающееся от хищника.

Когда они ушли и входная дверь закрылась, мать Тео повернулась к Карле и спросила:

– Почему ты не позволила ему приехать ко мне? Я бы о нем позаботилась.

Карла поднялась, сжала руки в кулаки, прошла через кухню в задний сад, где посреди лужайки лежал на боку трехколесный велосипед ее сына, и зашлась криком.

Карла и Тео бесконечно винули себя и друг друга; каждая фраза начиналась с «если».

Если бы ты не поехала на конференцию...

Если бы ты не настоял на том, чтобы поехать со мной...

Если бы тебя так не волновало, что подумают другие...

Если бы мы отправили его к моим родителям...

Их сердца были разбиты, разбиты навсегда, и никакая любовь – какой бы глубокой и пылкой она ни была – не могла их исцелить.

8

Через двадцать три часа после задержания полицейские отпустили Лору домой. Эту новость сообщил ей Лысый.

– Скорее всего, Лора, нам придется поговорить с вами еще раз, – сказал он, – поэтому никуда не уезжайте.

– О да, нет проблем, я отменю поездку в Диснейуорлд, которую планировала, так что не волнуйтесь, – ответила она.

Лысый кивнул.

– Договорились, – сказал он и улыбнулся своей грустной улыбкой, не предвещавшей ей ничего хорошего.

Она покинула полицейский участок в одиннадцатом часу. На улице моросил дождь. Она села в автобус на Грейс-Инн-роуд и в изнеможении рухнула на единственное свободное место внизу. Элегантно одетая полная женщина рядом с ней брезгливо сморщила нос и отодвинулась к окну, пытаясь свести к минимуму контакт с промокшей и дурно пахнущей пассажиркой. Лора откинула голову на спинку сиденья и закрыла глаза. Женщина укоризненно поцокала языком. Лора решила не обращать на нее внимания и отвернулась. Женщина тяжело вздохнула. Лора почувствовала, как напряглись ее челюсти и сжались кулаки. *Сосчитай до десяти*, советовал ей отец, и она так и сделала: *раз, два, три, раз, два, три, раз, два, три* – она не могла считать дальше, вообще ничего не могла, а женщина, снова вздохнув, задвигала своей толстой задницей, усаживаясь поудобнее, и Лоре захотелось крикнуть ей прямо в ухо: *Это не моя вина, это не моя вина, это не моя гребаная вина!*

Она поднялась.

– Я знаю, – со злостью произнесла она, глядя на соседку, – что от меня воняет. Мне это известно. Меня продержали в полицейском участке двадцать четыре часа, а до этого я ходила в магазин, а до этого отработала восемь часов в прачечной, так что я не принимала душ вот уже два дня. Это не моя вина. Но знаете что? Через полчаса от меня будет пахнуть розами, а вы так и останетесь тупой жирной коровой.

Лора отвернулась и вышла из автобуса на три остановки раньше. Всю дорогу домой перед ее глазами стояло обиженное выражение на лице женщины, пунцовом от смущения, и ей пришлось прикусить щеку изнутри, чтобы не расплакаться.

Лифт по-прежнему не работал. Она потащилась по лестнице на седьмой этаж, всю дорогу сдерживая слезы: уставшая, с ноющей от боли ногой, с пульсирующим на руке порезом и *ужасно голодная*. В участке ей дали еду, но она так нервничала, что не смогла проглотить ни кусочка. Вставив запасной ключ в замок и слегка покрутив им из стороны в сторону, она уговорила дверь открыться, чувствуя, как сосет под ложечкой и от голода кружится голова.

Кухня выглядела так, будто пережила обыск, – и она решила, что полиция *действительно* ее обыскала: ящики и шкафы открыты, повсюду беспорядочно составлены кастрюли и тарелки. Тут же лежали испорченные продукты, которые она купила в супермаркете на последние деньги.

Отвернувшись, чтобы не видеть всего этого, Лора выключила свет и направилась в комнату, так и не приняв душ и не почистив зубы. Тихо всхлипывая, заползла в кровать и принялась поглаживать себя по затылку, пытаясь успокоиться. Так всегда раньше делал отец, чтобы Лора перестала нервничать, чтобы боль утихла и она смогла уснуть.

Проблем и боли у нее было предостаточно. Ее раннее детство, проведенное в грязном районе Южного Лондона, было лишено событий. Настолько, что она не сохранила в памяти почти ничего, кроме светло-коричневого дома рядовой застройки на узкой улице и ощущения

сухой, колючей лужайки под ногами летом. Ее воспоминания, казалось, начинались только с девятилетнего возраста, когда они всей семьей переехали в маленькую деревушку в Сассексе. Там-то и начались все проблемы.

Нет, с самой деревней было все в порядке. Лоре нравилась ее причудливая красота, каменные коттеджи и сверчки в густой зелени, вежливые соседи с их белокуроыми детьми и собаками вошедшей в моду породы лабрадудль. Мать Лоры, Джанин, говорила, что жизнь там *отупляет*, что, наверное, было плохо. Но Лоре там нравилось. Ей нравилась деревенская школа, где в ее классе было всего пятнадцать человек, а учителя считали ее очень начитанной. Нравилось гонять на велосипеде без всякого присмотра по узким проселочным дорогам в поисках ежевики.

Отец Лоры, Филип, нашел работу в соседнем городке. Он отказался от мечты посвятить себя сценографии и теперь работал бухгалтером, отчего Джанин закатывала глаза всякий раз, когда об этом заходила речь.

– *Бухгалтер!* – шипела она, сильно затягиваясь сигаретой и поправляя рукав туники. – Смеху подобно!

– Жизнь не может быть сплошным развлечением, Джанин. Иногда приходится вести себя, как подобает взрослым.

– И не дай бог взрослым повеселиться, так, что ли, Филип?

Лоре казалось, что родители не всегда были такими. Ей смутно помнились времена, когда ее мать была больше довольна жизнью. Тогда она не сидела за обеденным столом с угрюмым видом, скрестив руки на груди и почти не притрагиваясь к еде, и не цедила сквозь зубы ответы на все вопросы отца. Было время, когда ее мать все время смеялась. Когда она пела!

– Может, нам лучше вернуться в Лондон? – не раз спрашивала Лора, в ответ на что мать с грустной улыбкой гладила ее по голове, устремляя тоскливый взгляд в пустоту.

Отец же на ее слова всегда реагировал предсказуемо и эмоционально:

– Мы не можем вернуться, цыпленок, у меня теперь здесь работа. И дом у нас тут такой чудесный, правда?

Ночью Лора слышала, как они спорят.

– *Работа*, которую ты себе нашел, – говорила мать жутким, шипящим голосом, – это финансовое консультирование. Ради всего святого, Филип, неужели тебе *действительно* хочется заниматься этим всю свою жизнь? Дни напролет считать чужие деньги? – И еще: – Неужели нам уготована такая жизнь? Такая *будничная*? *В деревне*? *В Сассексе*? Видишь ли, я на нее не подписывалась.

И ответ:

– *Подписывалась?! Это брак, Джанин, а не театральный курс.*

Будучи примерным ребенком, Лора постаралась выкинуть услышанное из головы и решила, что если будет как следует учиться и очень хорошо себя вести, то все, что делало ее мать несчастной, улетучится само собой. Лора изо всех сил старалась угодить матери, рассказывала, как ее хвалят учителя, показывала ей все свои школьные рисунки.

Днем Лора постоянно держалась возле матери. Она помогала ей делать уборку, сидела рядом, когда та читала, и тихо ходила за ней из комнаты в комнату, когда мать бесцельно бродила по дому, не находя себе места. Лора стремилась уловить настроение матери по выражению ее лица, понять, какие мысли ее занимали, что заставляло ее так вздыхать или смахивать с глаз челку, и что она могла сделать, чтобы заслужить улыбку. Иногда ей это удавалось, а иногда и вызывало у матери раздражение, и та говорила:

– Ради бога, Лора, ты можешь оставить меня в покое хоть на минутку и дать мне побыть наедине с собой?

Осенью Джанин начала брать уроки рисования. А с наступлением рождественских каникул что-то изменилось. С востока подул ледяной ветер, принесший с собой невероятно кра-

сивое голубое небо, колючий холод и, совершенно неожиданно, оттепель в семейных отношениях. Казалось, что было объявлено перемирие. Лора понятия не имела почему, но что-то точно изменилось, потому что ссоры прекратились. Отец больше не выглядел издерганным и подавленным. Мать улыбалась, когда мыла посуду, а вечерами вместе с Лорой смотрела телевизор, прижимая ее к себе, а не сидела, как раньше, в кресле с книгой в руках. Они даже пару раз съездили вместе в Лондон: один раз в магазин игрушек, а другой – в зоопарк.

Новый год начался оптимистично: утром мать с улыбкой помахала Лоре рукой, провожая в школу. А в выходные ей даже пообещали всей семьей поехать кататься на санках, если выпадет снег.

Снег выпал, но кататься на санках они не поехали.

В ту пятницу менее чем за час выпало два с половиной дюйма снега, поэтому футбольную тренировку отменили. Было немногим более трех часов, когда Лора накатом спустилась с холма на велосипеде, возвращаясь домой, и выехала на середину дороги, где из-за движения машин снег полностью растаял. Но уже начинало темнеть, и она не увидела и не услышала появившийся на дороге автомобиль. Казалось, он возник из ниоткуда.

Отлетев в сторону на десять с лишним футов, она ударилась спиной об асфальт, и мать, стоявшая на подъездной дорожке перед домом, слышала треск ее расколовшегося шлема. У нее был перелом кости черепа, сложные переломы ноги и таза. Водитель сбившей ее машины уехал, не остановившись.

Затем начались проблемы и боль. Шесть операций, долгие месяцы в больнице, бесконечные часы изнурительной и мучительной физиотерапии, занятия с логопедом, помощь психотерапевта. В конце концов все зажило. Но зло уже свершилось, и хотя здоровье ее почти восстановилось, сама Лора стала другой. Она стала медлительной, агрессивной и не такой милой, как раньше. С беспомощным отчаянием она видела, как сужались ее некогда безграничные горизонты, и ее внутренний мир погружался в беспросветную мглу.

Утром Лора приготовила в микроволновке все размороженные продукты. Наевшись досыта, выбросила остатки еды в мусорное ведро, оделась и отправилась на работу.

– Ты что это делаешь? – возмущенно поинтересовалась Майя, ее начальница в прачечной, выйдя из задней комнаты и увидев, как Лора снимает пальто и вешает его на крючок за прилавком.

– Сегодня моя смена, – ответила Лора. – Сегодня среда.

– Да, а вчера был вторник, и тоже была твоя смена, только ты вообще не явилась.

Лора начала было что-то говорить, но Майя жестом остановила ее.

– Довольно, мне нет до этого дела. Извини, но с меня хватит, Лора. И знать не хочу, что у тебя случилось на этот раз...

– Майя, мне очень жаль...

– Ты знаешь, что было вчера? Знаешь? Вчера моему внуку исполнилось пять лет, и его мама по этому случаю повела его в зоопарк. И я должна была пойти с ними и все такое, но только я не пошла. И знаешь почему? Потому что я была здесь и заменяла тебя, а ты даже не соизволила позвонить и предупредить, хотя бы ради приличия.

– Я не могла, Майя. Мне ужасно жаль, честно, что так тебя подвела...

– Не могла просто *позвонить*? И почему? Опять оказалась за решеткой?

Лора опустила голову.

– Господи, да какого черта, прошу прощения за выражение! Тебя что – *опять* арестовали? – Майя в отчаянии всплеснула руками. – Извини, милая, но я больше не могу. Просто не могу. Хорошего понемножку. Я достаточно наслушалась твоих рассказов. И я тебя предупреждала, верно? Не раз и не два. Твои вечные опоздания, грубость по отношению к клиентам...

– Но, Майя, это не было...

– Я знаю! Знаю, что ты хочешь сказать. Что ты не виновата. Ты никогда не бываешь виноватой. Может, так оно и есть. Может, это и не твоя вина, но, черт возьми, и не моя тоже! Или не так?

Лору вырвало на тротуар возле прачечной. Рыбными палочками и пиццей.

– Я не нарочно! – крикнула она Майе, в ужасе взиравшей на происходящее в окно.

Она не делала этого специально. Она же не могла вызвать рвоту по своей прихоти. Просто, сунув карту в банкомат рядом с прачечной, она убедилась, что на ее банковском счете было семь фунтов пятьдесят семь пенсов, что вместе с четырьмя фунтами сдачи в сумочке составляло все ее богатство. А теперь ее еще и уволили. Это было как удар под дых, потому что увольнение влекло за собой санкции. Ей могли отказать в жилищном пособии, причем на несколько месяцев, как уже случалось с людьми, которых она знала. Она представила, как ее выбросят на улицу и она станет бездомной, если, конечно, не попадет в тюрьму за убийство. И вот тогда ее вырвало. Вытерев рот, она побрела прочь, прикусив нижнюю губу и пытаясь подавить нарастающую панику, поднимавшуюся из глубин только что опустошенного желудка.

Добравшись до дома, она позвонила матери. Несмотря на то что мать так часто подводила и разочаровывала Лору, она продолжала ее любить и каждый раз надеялась, что вот теперь все пойдет по-другому.

– Мама? Ты меня слышишь? – На линии слышался какой-то треск и шум на заднем плане. – Мама?

– Лора! Как ты, дорогая?

– Мама... Со мной не все в порядке. Ты не могла бы ко мне приехать? – Последовало долгое молчание.

– Мама?

– Извини, дорогая?

– Я сказала, не могла бы ты ко мне приехать?

– Мы сейчас в Испании, так что сделать это будет непросто! – Мать засмеялась низким гортанным смехом, от которого у Лоры закололо сердце. – Но мы вернемся через несколько недель, так что, может быть, тогда.

– Понятно. Несколько недель? Я... а где вы?

– В Севилье. Знаешь, где растут апельсины.

– Да, я слышала о Севилье. – Лора с трудом сглотнула. – Мам, понимаешь, тут случилась одна хреновенькая, и у меня возникли кое-какие проблемы...

– Господи, Лора! Что – опять?!

Лора закусила губу.

– Да, опять! Прости... Я тут подумала... ты не можешь одолжить мне немного денег, чтобы перекантоваться? Мне просто немного не повезло, я правда не виновата.

– Лора... – На линии снова послышался треск.

– Мам, я не слышала, что ты сказала.

– Я говорю, что сейчас мы и сами на мели и вынуждены экономить.

– В Севилье?

– Да, в Севилье. Ричард выставил несколько картин на художественной ярмарке, и, по условиям, мы должны сами платить организаторам за место, так что...

– Выходит, ему так и не удалось ничего продать?

– Пока нет.

– Понятно.

После долгой паузы снова раздался треск. Лора услышала вздох матери, и в этот момент в ней что-то надорвалось. Она почувствовала, как разочарование сдавило ей сердце, словно кулак.

– Лора, ты плачешь? Ради бога, прекрати! Прошу тебя. Ты же знаешь, как я ненавижу, когда мною пытаются манипулировать с помощью эмоций.

– Нет, – сказала Лора, теперь уже действительно всхлипывая. – Я не плачу.

– Послушай, – деловито произнесла мать. – Ступай и поплачь, а потом перезвони мне, ладно? Я поговорю с Ричардом о деньгах, хорошо? Лора? Береги себя.

Лора еще немного поплакала, а когда закончила, чувствуя внутреннюю опустошенность, позвонила отцу, но он не взял трубку. Она оставила ему сообщение: «Пап, привет. Вчера меня задержали по обвинению в убийстве, но потом отпустили, так и не предъявив обвинения. Меня уволили с работы, потому что, находясь в полиции, я пропустила свою смену, еда у меня кончилась, а денег ни черта осталось, так что не мог бы ты мне перезвонить? Пока. И на всякий случай: это звонила Лора».

Сумевшая спастись

Проснувшись в то утро, он еще не знал, как проведет день и как этот день закончится, не знал, что в нем будет плохого и хорошего. Сполоснув лицо ржавой водой, он побрился перед грязным зеркалом в ванной комнате со стойким запахом дерьма, не представляя, что встретит такую симпатичную девушку.

Да и как он мог представить, что все так сложится? Что она будет дразнить его, флиртовать с ним и ранит его чувства, а потом вернется, подняв лапки кверху, и попросит о помощи и будет рада его обществу и его прикосновением к ее мягкому бедру, пока они едут в машине.

Проснувшись в то утро, он не имел представления об ожидавших его передрягах, приятном возбуждении и предвкушении.

9

Четыре дня в неделю Мириам работала в «Книгах на воде» – плавучем книжном магазине на канале, сразу за Бродвейским рынком. Магазин торговал новыми и подержанными книгами и годами балансировал на грани банкротства. По словам его владельца Николаса, в последнее время он был вынужден полагаться на пожертвования хипстеров (краудфандинг), чтобы удержаться на плаву, причем в буквальном смысле слова: недавно они собрали средства, чтобы заделать течь в корпусе судна.

В магазине Мириам занималась по большей части административной работой: отвечала за бухгалтерию, переписку, расстановку книг на полках и поддержание чистоты и порядка. Ей больше не разрешалось обслуживать клиентов (слишком груба) и составлять шелфтокеры – небольшие аннотации, в которых сотрудники книжного магазина высказывали свое мнение о новинках (слишком безапелляционна). К тому же она внушала неприязнь. Николас никогда ничего такого не говорил, но в этом и не было необходимости. Мириам отлично знала, что не относится к тем, на кого приятно смотреть, что люди ее сторонятся, что если и существует качество, противоположное обаянию, то она наделена им в избытке. Мириам все это осознавала и принимала. А почему нет? Какая у нее альтернатива? Какой смысл притворяться, будто все не так, как есть на самом деле, и она не такая, какой является в действительности?

По средам Николас посещал своего врача, поэтому магазин открывала Мириам. Она была очень пунктуальна и не могла себе позволить опоздать даже на минуту. Этим утром она нырнула под мост Кэт-энд-Маттон ровно без четверти девять и удивилась, увидев у магазина покупателя, который пытался заглянуть в окно, поднеся к глазам ладони, чтобы лучше видеть. Мириам решила, что это турист, но, стоило ему отступить и посмотреть в ее сторону, как она застыла, почувствовав выброс адреналина. Тео Майерсон!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.